

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 27 • сентябрь • 1987

РАННИЙ ВИЗИТ ПОЧТАЛЬОНА ПЕЧКИНА

ПРО МАЛЕНЬКУЮ ПТИЧКУ, которая заклевала большого яка

Лучше гор могут быть только седоголовые пики гор. Это и козе понятно. А для яка зубчатая крыша мира, Памир,— райские кущи. На отвесных скатах, не доступных легконогой козе, эти волосатые, точно хиппи, быки пасутся, как на зеленой лужайке. И добывают себе прокорм из-под любого сугроба. «Только бы снег не был выше глаз»,— утверждают пастухи. Трескучий мороз для яка — тепличные условия. Разреженный воздух — чистый кислород. Потому яки, у которых рога не меньше пропеллеров, а хвостовая часть метелкой, не покидают заоблачных высот ни в бурю, ни в ураган. С голубых трасс их можно согнать только хворостинкой.

— Наверняка ваши косматые соколы достигли высот и в весе? — директивно напомнили директору киргизского совхоза «Кадамджай» М. Эргешеву. — Почему не прикажете посадку? Пора, как говорится, подбить бабки!

— Нет у нас яков,— моргнув, сказал руководитель хозяйства, имеющего тучное ячное стадо. — Птичка заклевала!

И не стал сдавать нагуленное в облаках мясо.

— Рахмат! — свернув ноги калачиком на кошке, насколько мог саркастически поблагодарил я директора Эргешева от имени потребителей. — Видимо, вы решили, что наши столы ломаются от мясных изделий, позволили скушать полновесных животных пернатым. Кстати, каким? Орлы до снежных вершин не долетают. Резвятся там каменные куропатки да рогатые жаворонки, но эти, как будто, ни сырым мясом, ни шашлыками не питаются. Пожалуй, волки рады были бы облизнуться после вашего подарка, но, говорят, як способен помериться силой даже с бурым медведем.

— Ах, чтоб их в самом деле волки задрали! — махнул рукой на горы директор. — Совхозу накладно валандаться с яками. Рано или поздно придется известить всех.

Я чуть не опрокинул чай от услышанного. Но для дотошных вопросов не было времени — торопила поездка на самый конек крыши мира.

В соседней, Горно-Бадахшанской автономной области, устав любоваться белоснежными вершинами под ногами, я поднял глаза и увидел, как возле юрты чабан Ашимов благодарно поглаживал косматую роженицу, облизовавшую новорожденного ячонка. Точнее, кутасочка: яков здесь называют кутасами.

— Убытку радуется? — после традиционных церемонных приветствий подивился я.

Чабан внимательно посмотрел на меня из-под козырька-ладошки.

— Говорят, невыгодно держать яков? — поторопился я продолжить мысль.

— Невыгодно?! — выгоревшие брови полезли за козырек. Чабан схватился за палку, но сердито ткнул ею в шерстяной бок. — Кутас доится сметаной!

Главный зоотехник совхоза «Кызыл-Чекарачи» Мургабского района Б. Каримов завмахивал двумя руками: помимо сверхжирного молока и сочного мяса, яки дают шерсть, что ценнее верблюжьей. А значит, на его волоске висит судьба красивых паласов, прочных юрт, удобной кошмы, особо крепких канатов. При всем при этом не приходится хлопотать о посевах рапса, люцерны и других грубых кормов — паек в холодильнике, под снегом.

— Нет экономнее животного! — затряс в воздухе счетами главный экономист хозяйства С. Жамилев. — Не требуется строить коровники-телятники, подводить электричество и подвозить солярку. Загоны из жердей и те излишни. Расходы только на соль, ветеринарную помощь да зарплату пастухам, что надежно отпугивают волков почти одной принадлежностью к вековым династиям яковедов.

— Намерены удвоить поголовье кутасов! — решительно подвел черту директор совхоза М. Токтогулов. О превозношении кутасов на восточных отрогах Па-

— А кто вас критиковал, отмечен крестиком.

Рисунок В. МОХОВА.

«А Я НЕ ВЕРЮ!»

Крокодил не раз за последнее время писал о проблемах индивидуальной трудовой деятельности. Каждая такая публикация вызывала заинтересованный отклик читателей. Не все поддерживали Крокодил. Были и такие, которые активно возражали против допущения «частника» в наше общество. Одно из таких писем с комментариями экономиста мы печатаем сегодня.

«Уважаемая редакция!

В № 11 журнала «Крокодил» я с интересом прочитал комментарии Ю. Борина к его же фельетону «Золотой ключик» (№ 31 за 1986 г.). Раньше я считал, что вежливость, учтивость, доброжелательность, дисциплина — это категории нравственные.

Оказывается, я глубоко заблуждался. Как нам разъясняет Ю. Борин, это категории экономические.

В самом деле (я цитирую Ю. Борина): «Почему грубит посетителю официантка? Почему мы часами стоим в очередях в поликлиниках, в швейном ателье, в магазинах? Да потому, что вежливость, внимательность, быстрота обслуживания — это категории экономические». И далее: «Заинтересуйте официантку — она обслужит вас мигом».

Как это сделать? В условиях социалистического способа это дело невозможное, занятие бесполезное. Выход один — личная, то бишь частная предпринимательская деятельность. Здесь (снова цитирую) «полная заинтересованность». Только так будут обеспечены и порядок, и культура.

И я подумал: а ведь верно! Только почему Ю. Борин ограничился только официантами, врачами, швеями, билетными кассирами и продавцами?

Давайте будем рассуждать дальше. Зачем нам, в частности, в г. Перми три станции техобслуживания автомобилей? Давайте создадим сотню-две, но частных. И все. Культура обслуживания обеспечена.

Пойдем дальше. Почему у нас на рынке овощи, фрукты и т. д. в большем ассортименте и лучшего качества? И почему там не хамят и даже говорят «спасибо за покупку»? Да потому, что там продукты частные, а не государственные, и торгуют ими сами владельцы лично.

Так давайте распустим колхозы и совхозы, землю отдадим единоличникам и обеспечим количество, качество и высокую культуру обслуживания.

Ну, а дальше — доберемся до заводов и фабрик. Кто, как не хозяин, «лично заинтересованный», сможет навести порядок и культуру производства?

Вот все как просто, оказывается. И тут у меня возник вопрос: а не поспешили ли наши отцы с Октябрьской революцией? Может быть, правы идеологи империализма, что социалистическая система хозяйствования неэффективна и нежизнеспособна?

Я лично (комсомолец 30-х годов, член КПСС 40-х) этому не верю. Но как другие — не знаю.

Ведь поверил же в это москвич С. Никишев — «грузчик, он же бетонщик, он же шеф-повар, он же бухгалтер», у которого

(цитирую по его письму, приведенному Ю. Бориним) давно «возникали подобные мысли (читай: открыть частную лавочку), но я не знал, с какой стороны подступиться».

Ну, теперь-то он знает. А дальше — вилла на берегу моря, личная яхта, как у футболиста Пеле в Бразилии. И зачем ему социализм?

Вот какие грустные мысли возникли у меня вообще и после разъяснений Ю. Борина, в частности.

Одно только утешает: поскольку все это опубликовано в «Крокодиле», то надо понимать это как юмор.

По крайней мере мне очень хочется на это надеяться.

А кстати, об официантах. Помню, раньше мы давали им «на чай», и они нас хорошо обслуживали. Нам сказали — это «аморально». Но теперь можно. Ю. Борин призвал нас «заинтересовать ее материально». Мы постараемся. И не только официантку. А почему «не совать в лапу» врачу, билетному кассиру, закройщицу ателье, продавцу магазина и т. д.? И быстрота, качество и культура обслуживания обеспечены. Легко, просто. И можно все это сделать и не передавая наши социалистические учреждения в частные руки. Вот так.

С уважением

Ю. МИХАЙЛОВ,
г. Пермь».

Комментарий ученого
на стр. 6—7.

мира я не замедлил доложить руководителю киргизского хозяйства Эргешеву.

— Разве я утверждал, что яки — злостные моты и транжиры? — спокойно сказал Эргешев. — Они хозяйству по всем статьям милы-дороги, пока... не приходит пора их сдавать на мясокомбинат. Я же говорил, винавата птичка — так я называю строку в отчетности, потому что она близкая родственница галочке формализма. Строчка-птичка нещадно клюет наших высокогорных буйволов.

Понимая мое полное непонимание, директор расшифровал как можно доступнее: премудрой отчетностью косматые скалолазы зачислены в крупный рогатый скот. Но если представительница КРС — корова составляет 350—400 кг материала для бифштексов и отбивных, то ее заоблачная сестра вдвое меньше. Яки своими антилоповыми рогами таранят важный показатель — среднесдаточный вес, а значит, благополучный лик хозяйства и района. Помимо морального убытка — вышибки из передовиков, — хозяйство несет материальный разор: надбавку за упитанность, которая достигает 50 и 70 процентов. Мургабцы не жалуются, потому как там, на восточных гребнях Памира, еще выше и зябче — больше комфорта для кутасов. Ячихи, стало быть, плотнее, а коровки, напротив, поизящнее. Диспропорции нет или она в другую сторону. Киргизские хозяйства давно просят вывести яков из категории крупных рогатых и дать им отдельное стойло в статотчетности. Но всякий раз натываются на невидимые рога.

Даже скалы, обветренные, как яководы, удивляют: почему мясо, которое белками и вкусовой гаммой богаче телячьей вырезки, не заслужило собственного стандарта?

Ах, что там о повышенном мериле! Он, высокогорный бык, низведен до овцы. Расценки на стрижку одинаковые. Но если овечку при сборе шерстяного урожая можно перевернуть три раза с боку на бок, то горный Геркулес способен три раза перевернуть самого стригая.

Наверняка от обид рев у яка громкий, снегообвальный. Есть резон повернуться нам ухом к горам. Не ахти как много в нашей необъятной стране мест, где водятся удивительно неприхотливые животные: Киргизия, Таджикистан, Тува, Бурятия, Алтай. На Кавказе отродясь не бывало яков, но их завезли туда, дабы не пропадали даром недоступные пастбища.

Конечно, Киргизия красна овецоводством. Но, увы, безбрежные пастбища этого края деградируют, выбиты мелким скотом. Остроголовым пиком стоит вопрос о сокращении поголовья овец. В этой связи совсем не повредит повышенное внимание к высотному животноводству. Киргизия для яков — скатерть-самобранка. Высокогорная часть республики — целая страна, 1240 тысяч гектаров. Добрая площадка для взлета. Но вместо развития многие районы начинают сокращать яководство.

Еще к 1985 году республика планировала выгнать почти сотысячное стадо. Забуксовали на шестидесяти тысячах...

— Совхоз «Кадамджай» способен умножить высокогорное мясо втрое, — сказал директор Эргешев. — Если яки не будут «сидеть» в коровах.

— Фрунзенский район повернется лицом к выгнанным из коровьего общества якам, — заявили в райисполкоме и райкоме партии.

— Наша область пойдет в гору, — заверили в Ошском областном агропромышленном комитете.

Оставалось выяснить позицию союзного Госагропрома. Так я после горных хребтов очутился в заоблачных кабинетах на Калининском проспекте. «Мы с яками не яхшаемся!» — услышал за одним порогом. «Поднимитесь выше!» — рекомендовали за другим. «Раньше действительно яками мы занимались, — слышал на данном уровне, — но теперь вам следует спуститься назад, именно там находится человек, который курирует экзотических рогатых». Не обладая выносливостью яка, я скоро почувствовал уже нехватку кислорода и чуть не сел мимо стула на четырнадцатом этаже, в кабинете руководителя подотдела племенных хозяйств Т. Джапаридзе.

— Как объять необъятное?! — широко разметнул руки Тенгиз Григорьевич. — На пчелах у нас сидят два человека, на рыбе — полтора, на яках — четверть человека...

Лично он, Джапаридзе, может сказать со всей данной ему ответственностью: яки заслуживают собственного стандарта, достойной цены и отдельной строки в статотчетности.

— Но для этого надо пробить каменную стену: Госстандарт, Госкомцен, органы статистики! — постучал по столу Джапаридзе. — Минимум полгода работы доброму специалисту, не усеченному.

Так меня быстро опустили на землю. А в высоких горах остались яки, которых продолжает разбойно клевать маленькая бюрократическая строчка-птичка...

Памир — Москва.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

По ту же
ПОВОДУ

«ПОЧЕМ СЕЛЕДОЧКА?»

Так называлось письмо дальневосточного рыбака В. Макарова, сопровождаемое комментарием Крокодила (№ 10). В них рассказывалось о бессмысленных простоях рыболовецких и транспортных судов, что наносит значительный ущерб государству. Ставился вопрос о строительстве береговых складов-холодильников, которые освободили бы суда от долговременного хранения улова, а объединение «Дальрыба» и государство — от многомиллионных потерь от простоев и порчи рыбы.

Редакция ответил заместитель министра рыбного хозяйства СССР А. Гульченко. После традиционных оборотов, подтверждающих, что «факты простоев имели место», заместитель министра признает, что объединение «Дальрыба» выпустило распоряжение, допускающее простой судов с грузом рыбы и консервов в связи с тем, что «...Дальневосточный бассейн испытывает крайнюю нехватку береговых емкостей для передержки консервов».

Но как раз об этом мы и писали! Из ответа тов. А. Гульченко явствует, что простой судов и хранение улова в трюмах — не временная мера, а узаконенная «Дальрыбой» многолетняя практика.

Каковы же меры, принятые Минрыбхозом СССР в связи с выступлением Крокодила?

Если судить по ответу замминистра — никаких. «В конце мая на технико-экономическом совете «Дальрыбы» полномочные представители изготовителей рыбпродукции, судовладельцев-перевозчиков, сбытовых организаций, морских рыбных портов, отделений железных дорог с непосредственным участием местных партийных, советских, профсоюзных, правоохранительных и контролирующих органов рассмотрели вопрос о перестройке всего транспортно-обывого комплекса...»

И далее дается обещание провести в третьем квартале текущего года расширенное заседание научно-технического совета с целью выработки общей транспортно-сбытовой концепции по отрасли.

Но просто-то продолжают! Очередная путина началась именно в третьем квартале текущего года. Кардинальное же решение проблемы — строительство береговых складов-холодильников, как явствует из официального ответа, еще только обсуждается. После чего склады, вероятно, будут проектировать, потом еще несколько лет строить. Конкретных же сроков и планов пока нет.

Может быть, потому, что многомиллионные потери и убытки для работников министерства и для самой «Дальрыбы» были и остаются абстрактными цифрами на бумаге? Ведь никто из них от этих убытков материально не страдает!

ЖЕРТВЫ РОБОТИЗАЦИИ?

Синекурой называется хорошо оплачиваемая должность, не требующая большого труда.

Фельетон в № 7 за этот год назывался «Синекура для робота». Рижскому заводу гидрометприборов Минприбором выдано 16 роботов, которые бездельничают. Пять из них стоят без работы в цехах, а одиннадцать валяются в полуразобранном состоянии в большом сарае, который на заводе не без иронии именуют «полигоном новой техники». А если учесть, что хотя роботы эти и весьма низкого качества, но уплачены за них немалые деньги, то картина «роботизации» по-минприборовски станет достаточно ясной.

Министерство не замедлило с ответом. Заместитель начальника управления технологического оборудования и оснастки Б. Н. Шубин в первых строках своего письма сообщает, что «Минприбором утверждена комплексная программа роботизации». Далее говорится, что к данной программе «был привлечен широкий круг предприятий». (Стало быть, жертвой подобного «внедрения» был не только рижский завод? — Авт.)

И лишь после этой преамбулы признается, что «указанные роботы в настоящее время не работают».

Кто же в этом виноват? «За неудовлетворительную организацию работы... директор завода т. Плинтэ освобожден

от занимаемой должности». Вот это номер! Да ведь директор Плинтэ был освобожден от занимаемой должности задолго до появления фельетона!

Свалив сегодняшние дела на давно уволенного директора, тов. Шубин завершает свой ответ так: «Руководству предприятия дано задание по обеспечению двухсменной загрузки ранее внедренных роботов и внедрению имеющихся на заводе роботов на операциях, обеспечивающих экономически обоснованное их применение и бесперебойную двухсменную работу».

Ответ Минприбора поступил в редакцию в марте, а в конце мая один из нас отправился на завод, чтобы проверить, дали ли работу роботам или они по-прежнему тунеядствуют.

Картина не изменилась: роботы не работали!

А у корреспондента состоялись короткие беседы с действующими лицами вышеупомянутого фельетона.

Штамповщик А. Мартузан рассказал, что установленный в его цехе робот так и не приступил к работе.

Штамповщица А. Петровская перешла на соседний участок, но о роботах сказала, что они «бездельничают, как и раньше. Вы же сами писали, что у них синекура».

Начальник цеха М. Логунова: — Да я вообще-то не против роботов, но кто на них будет работать?..

Видел корреспондент и те роботы, которые до сих пор пребывают в полуразобранном (или полусобранном?) состоянии.

Итак, положение на заводе не изменилось. Если не считать того, что уволились литейщик И. Федотов и директор В. Миронов. Но это обстоятельство на деятельности роботов пока никак не отразилось. Не внедряются они в производство, хоть ты тресни!

А впрочем, можно ли внедрить снова те роботы, которые по отчетам числятся внедренными уже пять лет назад? Да и нужно ли их пускать в дело, если один квалифицированный рабочий может заменить три таких слабосильных и медлительных робота?

ЧИТАТЕЛЬ ВЗВОЛНОВАН

Дорогой Крокодил!

О том, что порой к дефицитным театральным билетам даются в нагрузку билеты на никому не нужные спектакли, известно всем. Но вот чтобы «нагрузка» шла к станкам...

Не так давно мы получили из Одессы, с одного из тамошних заводов, радиально-сверлильный станок. А в упаковке станка лежала «нагрузка» — насосная установка Г48—22НРЭ. Конечно, нагрузку нам пришлось оплачивать — 480 рубликов из кармана нашего завода.

Я позвонил в отдел сбыта одесского завода:

— Зачем нам прислали насосную установку?

— Что нам пакуют, то мы отправляем,— был ответ.

Звоню начальнику ОТК В. Шалайгину:

— А вы попробуйте подсоединить насос к какому-нибудь цилиндру.

— Зачем?

— Ну, тогда к чему-нибудь еще,— сказал начальник ОТК.

Самое удивительное во всем этом, что такого рода нагрузка не такой уж редкий случай. Мы уже до этого трижды отправляли полученные из Одессы насосные установки в металлолом. Неужели же они никому не нужны? А если так, то зачем же на них расходуют металл и прочие ресурсы, зачем их вообще производят?

Ф. ЛУЦЕВИЧ,
инженер Опытного завода
Минского института автомобильной промышленности.

Уважаемый Крокодил!

24 марта 1984 года купила я холодильник «Кристалл-9».

Вот что о нем сказано в инструкции: «Кристалл-9» АТД-200Б — первый отечественный бытовой электрический абсорбционный холодильник повышенной комфортности...

Холодильник «Кристалл-9» освоен заводом по закупленной лицензии фирмы «Сибирь» (Швейцария) и по своим функциональным свойствам находится на уровне лучших зарубежных абсорбционных холодильников».

Цена холодильника — 280 руб. Срок гарантии — 3 года. Выпускает такой великолепный холодильник Васильковский завод.

Два месяца мы радовались нашей покупке, и тут полетел нагреватель. Поменяли. Еще через два месяца нагреватель опять отказал. Но мастер, молодец, сделал замену. Однако через пять месяцев испортился термостат. Слава богу, что опять выручил мастер.

Но вот весной нынешнего года кончилась гарантия, и вместе с ней кончился холодильник.

Я обратилась в мастерскую, объяснила, что в нижней камере пахнет аммиаком. Мастера хором посоветовали использовать холодильник как шкаф. Либо нужно менять весь агрегат, который стоит ни много ни мало — 135 рублей. Плюс оплата за замену. Но агрегатов нет, и когда они поступят — неизвестно!

У моей мамы холодильник «Бирюза» верой и правдой служит 19 лет без единой поломки. А васильковцы не только своей марки не берегут, но и швейцарскую позоряют.

Что теперь делать, ума не приложу. Видимо, придется купить новый холодильник, а со «старым» поступить, как посоветовали в мастерской.

До свидания, с уважением

Н. ДРУЖИНИНА,
г. Ульяновск.

Дорогой Крокодил!

Я одессит, но живу теперь в другом городе, а на родине бываю не часто, только в отпуске. Вот и август прошлого года мы с моей семьей провели в чудесном городе у теплого моря.

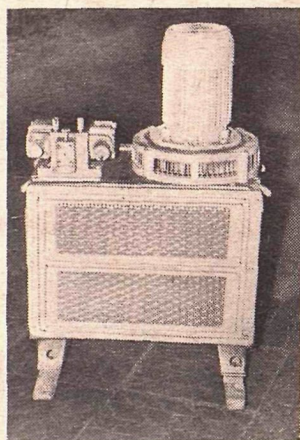
6 августа мы пошли на вечер одноактного балета. И балет, и оперный театр были великолепны. Когда мы осматривали величественную парадную лестницу театра, работавший там фотограф предложил нам сфотографироваться на память. Разумеется, мы не колебались ни минуты. Фотограф сделал снимок, мы уплатили 4 руб. 10 коп., я собственноручно подписал конверт, в котором мне должны были выслать фотографии домой, в Калининград. Нам вручили также так называемый «гарантийный талон», в котором одесская фотостудия «Море» (ул. Дерибасовская, 5) уверяла нас, что в течение 10 дней мы получим свои фотографии. Когда прошел месяц, я решил напомнить о себе

и послал в фотостудию письмо, а для убедительности по своей наивности вложил в него и «гарантийный талон». С тех пор прошло полгода. Излишне говорить, что из фотостудии «Море» нет ни ответа с извинениями, ни фотографий, ни уплаченных нами так доверчиво денег. Я понимаю, четыре рубля — ничтожная сумма, не стоило бы о ней и вспоминать, за отпуск на юге тратятся сотни рублей без всякого сожаления, я вовсе не об этом. Жаль сувенира, и горько вспоминать об отпуске в родном городе, где меня (а может, не только меня?) так беззащитно облапошили.

Э. ГЕРАСИМОВ, рабочий,
г. Калининград.

Дорогой Крокодил!

В июле 1986 года пригнал я своего «жигуленка» в ремонт, на Вешенскую СТОА-14 Ростовоблавтотехобслуживания, внес 800 рублей аванса и оставил «конягу» на попечение местных умельцев.

ТАБЛО

За месяц Крокодил получил 7241 письмо. Из них с жалобами, вопросами, претензиями, предложениями — 2805.

— ...В больших сапогах, в полушубке овчинном, а сам с ноготок.
— Наверно, и тогда тоже были трудности с детской обувью.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

«ОТ ПЕЧКИ»

Зачем азербайджанец Мамед регулярно ездит из Грузии в Азербайджан, а грузин Ираклий — из Азербайджана в Грузию? Причина проста: грузинский национальный хлеб лаваш не выпекают на хлебозаводах в Азербайджане, а азербайджанский чурек не достать в магазинах Грузии. А если и можно купить эти национальные сорта хлеба, то только на рынке у бабушек, кустарно выпекающих хлеб в своей печке... И пришли Ираклий с Мамедом к такому выводу: а что если объединить всех этих бабушек в кооператив, заключить с ними трудовые соглашения и закупать их замечательный хлеб прямо не отходя от печки? Всем выгодно, и не потребуются Ираклию с Мамедом то и дело мотаться через границы соседних республик. Об этом шла речь в фельетоне К. Убилавы «От печки» (№ 18).

«Минхлебпродукт СССР», — пишет Крокодилу

Колдовали они над машиной почти полгода, и вот в конце декабря получаю телеграмму: «Оплатите ремонт, машина готова». Приехал и ужаснулся: лобовое стекло разбито, уплотнительные замки со стекол вытаснены, радиатор весь разбит, термостат не работает (мои были новые), стартер тоже не мой, подменен на неисправный, когда заводил, появляется страшный шум...

Посмотрел я на это чудо сервиса и пошел к директору СТОА: что же это, говорю, Василий Тимофеевич, за ремонт — полгода делали кузов и к этому еще такой урон нанесли? А он мне отвечает: «Ничего не знаю, жалуйся куда хочешь, хоть прокурору, хоть в журнал какой». Повернулся и ушел совсем с территории СТОА. Мне все сочувствовали — и механик, и слесаря, а сделать так ничего и не сделали. Заплатил я за ремонт 1700 рублей, и выпроводили меня и бедолагу «жигуленка» со двора.

**Н. СТАСЮК, село Кашары
Ростовской области.**

— Алло, милиция? Тут волк пытается съесть бабушку и Красную Шапочку!

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

ОТДЕЛА ПИСЕМ

Откликов читателей на наши публикации — 815.
Официальных ответов после вмешательства Крокодила — 1519.

заместитель министра Н. Чубенко, — сообщает, что предложение автора заслуживает внимания. Вопрос выпечки национальных сортов изделий для отдельных групп населения может быть решен хлебозаводами системы Министерства хлебопродуктов при массовом спросе или в системе потребкооперации, где организуются небольшие предприятия для выпуска отдельных видов продукции».

Заместитель министра сообщил редакции и о некоторых конкретных мерах. Так, недавно Министерство хлебопродуктов СССР обязало республиканские министерства Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР рассмотреть вопросы, поднятые в фельетоне. «Для расширения ассортимента вырабатываемых изделий в настоящее время подготавливаются предложения о создании кооперативных пекарен небольшой мощности при промышленных, сельскохозяйственных предприятиях и организациях всех систем», — говорится в ответе союзного министерства.

«С ПАЛУ, С ЖАРУ...»

В фельетоне под таким заголовком (№ 20) рассказывалось о крупных лесных пожарах в Забайкалье и на Дальнем Востоке, вызвавших гибель лесных массивов и огромные убытки. Как выяснилось, причина пожаров — так называемые сельскохозяйственные палы, намеренные поджоги сухой травы и стерни, «чтобы лучше рос новый урожай».

Начальник отдела Госагропрома РСФСР А. Гладков сообщает редакции, какие меры предпринимает его ведомство для предотвращения этих палов. Что же касается ответственности за нарушение правил пожарной безопасности в лесах, то она «возложена на руководителей колхозов, совхозов, соответствующих предприятий и организаций агропромышленного комплекса. Лица, виновные в нарушении требований пожарной безопасности в лесах, несут уголовную, ад-

министративную и материальную ответственность в соответствии с законодательством СССР и союзных республик».

Госагропром РСФСР возложил на свое подразделение Главмехэлектро разработку и контроль за осуществлением мероприятий по противопожарной безопасности и охране предприятий.

«КОСТЕР У ЗОЛОТОЙ ГОРЫ»

Неподалеку от Пущинского завода строительных изделий днем и ночью пылают костер. Оказывается, это сжигают отходы: опилки, доски и стружки. Но разве их нельзя использовать в дело? Такой вопрос был поставлен в заметке «Костер у золотой горы» (№ 16).

Директор завода В. Голубев написал в редакцию, что «заводом действительно вывозились и сжигались мелкие древесные отходы от лесопиления и деревообработки. Однако наряду с этими отходами на место их сжигания вывозились и сгораемые материалы практически всеми организациями города Пущино». Представляете, какой кострище полыхал на окраине!

Но теперь костру, кажет-

ся, пришел конец. Тов. Голубев сообщает, что организованы переработка отходов лесопиления на деловой горбыль с последующей реализацией его населению, а также реализация древесных отходов населению для отопления жилых помещений. И наконец, заканчивается монтаж технологической линии по переработке отходов лесопиления на щепу, которая будет использована для производства древесностружечных плит.

Остается пожелать, чтобы подобные меры приняли и другие «огнепоклонники» города Пущино.

«ВСТРЕЧА С ХМЕЛЬНОЙ КОРОВОЙ»

Автор одноименного фельетона В. Подкова (№ 11) вообразил, как в окрестностях города Воркуты разгуливает хмельная корова. Конечно, на самом-то деле ничего такого не было. Хотя теоретически вполне могло быть: как выяснилось, корова на корм шел изрядно подгнивший и уже начавший бродить картофель. А дошел он до такого плачевного состояния по причине халатного к нему отношения со стороны воркутинских городских властей и руководства УРСа «Воркутауголь»: они вовремя

не позаботились о создании нормальных условий для хранения завозимой в город картошки.

Зампред Воркутинского горисполкома Ю. Ворошилов сообщил, что критика в адрес руководства исполкома и УРСа «Воркутауголь» справедлива. За принятие должных мер по обеспечению сохранности плодово-овощной продукции городским комитетом народного контроля наказаны начальник плодово-овощного отдела продовольственной торгово-закупочной конторы УРСа Т. Острикова и начальник орготдела той же конторы А. Долгов. Привлечены к материальной и дисциплинарной ответственности заведующие складами: «Исполкомом рассмотрены... меры по обеспечению заготовки и закладки на длительное хранение сельхозпродукции урожая 1987 г., укреплению материально-технической базы торговли».

Пришел ответ и от заместителя министра Минуглепрома СССР В. Сороколетова, тоже признавшего критику правильной. За допущенные нарушения при закладке и хранении картофеля и.о. директора упомянутой торгово-закупочной конторы В. Баркару, а также заместителю директора В. Радому и главному плачевному А. Маховой объявлены строгие выговоры. В частичное возмещение нанесенного ущерба с них взыскано по среднемесячному заработку.

МЕРЫ ПРИНИМАЮТСЯ

ПАТЕНТ НА ИНИЦИАТИВУ, ИЛИ МОЖЕТ ЛИ ЧАСТНИК «СЪЕСТЬ»

со стр. 2.

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

Редакция «Крокодила» попросила меня прокомментировать письмо тов. Михайлова. Я согласился, так как в этом письме представлен один из подходов, долгие годы мешавший нам правильно относиться к проблемам индивидуальной трудовой деятельности.

1. Автор утверждает, что вежливость, учтивость, добросовестность, дисциплина — категории нравственные. Автор не согласен с тем, что они категории экономические.

Что можно сказать по этому поводу? По религии есть вневременные, вечные заповеди: быть честным, не убивать, не воровать и т. д. Свою положительную роль в развитии человечества христианский кодекс нравственности сыграл да и сейчас играет.

Но марксизм показал недостаточность абстрактного нравственного подхода. Будь он верен, то только мерами нравственного воспитания можно было бы изменить общество, без революции. Но попытки сделать воспитание и педагогику главным двигателем преобразований всегда наталкивались на экономический строй общества. Даже сегодня одна из главных причин кризиса нашей школы состоит в том, что ученики не верят тому, в чем их пытаются убедить учителя: не верят в то, что хорошая учеба — единственный путь к успеху в жизни, и т. д. Возможности воспитательных воздействий велики (и тут у нас много резервов). Но в целом они не могут изменить экономическую жизнь общества. Дело в том, что сами нравственные отношения определены экономикой.

Поэтому автор прав, называя вежливость и добросовестность нравственными категориями. Но он не прав, отрицая то, что они категории и экономические. Например, и тип вежливости, и ее характер заданы именно экономическими отношениями. Инспектор в райисполкоме или кассир на вокзале хотя и содержатся на наши деньги, но не считаются с нами, так как никакой связи между своей зарплатой и конкретным посетителем не видят. Отсюда и соответствующая нравственность. Конечно, все призывают их быть вежливыми, но **обязательность** вежливости не диктуется механизмом их деятельности. Поэтому вопреки автору экономические отношения — базис всей нравственности. Конечно, только базис, так как многое зависит и от воспитания.

2. Автор пишет: «личная, то бишь частная предпринимательская деятельность».

Вот это «то бишь» и требует комментария. В обиходе мы действительно часто личное называем частным. Но в теоретическом плане это неверно. Личная собственность зависит от господствующих в обществе отношений. При частном хозяйстве и личное становится частным. А при общественной собственности личная деятельность — часть социалистического хозяйства. Выходит, чтобы личная стала частной — нужен отход от господства социалистических форм хозяйства.

3. Автор иронически предлагает не иметь в Перми три станции техобслуживания, а создать сотни две частных.

Оставим слово «частные». Остановимся на сути дела. Во-первых, есть виды ремонта, которые требуют почти заводских условий, и тут без крупных станций не обойтись. Во-вторых, я бы понял автора, если бы он работал на одной из этих станций. Тогда для него появление в автосервисе наряду с этими тремя станциями сотни мелких личных мастерских — угроза (и угроза реальная) потерять не только «левые» доходы, но и зарплату в результате банкротства, которые допускает «Закон о предприятии». Опасения сегодня очень рьяно выражают те, кто в развитии индивидуального сектора увидел угро-

зу лично для того дела, которым он занят. Прочтите гневное письмо таксиста из Таллина в «Литературке» против «частников». Он клеймит их за то, что они «мешают работать государственным такси». Можно подумать, что таксисты были рыцарями и не мы уговаривали, умоляли их ехать в «неудобный» район, не мы отчаянно махали проносившейся мимо машины с зеленым огоньком и т. д. и т. п. Мне ясно, что автор не автолюбитель. Иначе бы он легко видел, что для сотен томлящихся вокруг трех станций автолюбителей эта сотня мастерских не только создала бы нормальную жизнь, но сделала бы их честными людьми, не обязанными платить взятки, покупать запчасти из-под полы и т. д. Вот и выходит, что честность у тысяч автолюбителей возникает легко и просто, но не как итог воспитания — как прямой результат изменения ситуации в сфере экономики. Ирония оборачивается против автора: именно эта сотня индивидуальных мастерских ослабляет опасность коррупции в государственных организациях.

4. Автор иронически предлагает распустишь колхозы и совхозы, чтобы все производилось в личных хозяйствах и на рынке была бы культура обслуживания.

Колхозы и совхозы распускать мы не собираемся. Крупное производство имеет перспективы в сельском хозяйстве. Но большие перспективы имеет сегодня и мелкое производство, вплоть до личного. Этот второй аспект дела мы **игнорировали** и считали, что получать укроп можно только с многогектарных полей, а разводятся пчел только на гигантских пасеках. Но за укропом на таких полях не уследишь. В итоге не зеленый укроп, а начинка для засолки. И миллионы пчел, которым при крупных пасеках не хватает окружающих полей и которым приходится летать за нектаром за много километров, резко снижают сборы. Поэтому, исправляя ситуацию, мы резко расширяем и разные виды подряда, в том числе и семейного, и индивидуального. И 30% продукции, например, овощей, позволяем совхозу продавать прямо на рынке.

А в итоге, когда торговля на рынке для совхоза будет вопросом уровня личной зарплаты всех — от директора до сторожа, то и совхоз быстро найдет и вежливого продавца, и морковь поставит на рынок помытую и вовремя.

5. Автор иронизирует дальше и пишет, что мы так доберемся до государственных заводов и фабрик и тоже их ликвидируем, сделаем частными.

Надо сказать, что действительно часть того, что сегодня делают фабрики, мы теперь позволяем делать и кооперативам, и лично гражданам. И изделия появятся, и конкурент у фабрик будет. А в целом? А в целом нельзя говорить о ликвидации общественной собственности. Вспомним: почему заводы и фабрики из частных становятся государственными? Почему вообще частная собственность изживает себя? Ответ К. Маркса и Ф. Энгельса четок: производительные силы стали такими, что частная собственность стала оковами, мешая ей. Следовательно, по марксизму, возврат заводов в частные руки снизит эффективность экономики страны. Именно то соображение, которое сегодня заставляет нас разрешить индивидуальную деятельность, — соображение эффективности для общества — заставляет нас четко ограничить сферу индивидуальной деятельности и не переходить к ней там, где эффективнее общественная собственность. Поэтому логика — «дойдем и до заводов» — не имеет под собой никаких оснований. На заводах и фабриках проблему роста эффективности может успешно решить реальный хозяйственный расчет.

6. «Не поспешили ли наши отцы с Ок-

тябрьской революцией?» — сардонически вопрошает автор.

Не поспешили. Жизнь это показала. Но жизнь показала и другое. Всякие попытки опередить ход общественного развития, ввести неизбежные в будущем, но сегодня преждевременные приемы полного коммунизма отбрасывали нас назад. Будь то переобобщение при создании колхозов, ликвидация промысловой кооперации, борьба с личными огородами и личным скотом. За эти устремления начальства в «полный коммунизм» всегда расплачивались все мы.

Поэтому, не поспешив ни с революцией, ни с социалистическим строительством, мы не раз спешили с внедрением того, что еще не созрело в ходе развития экономики, и не раз называли антисоциалистическим то, что при полном коммунизме не понадобится, но что вполне эффективно при социализме и потому полезно и необходимо.

7. Автор беспокоит, что тот, кто будет занят индивидуальным трудом, дойдет до виллы на берегу моря и личной яхты и в конце концов откажется от социализма.

Надо прямо сказать, что среди тех, кто начинает сейчас личную деятельность, могут встретиться люди, мечтающие именно об этом.

Но на то у нас и существует социалистическое государство, чтобы не позволять перерастать индивидуальной трудовой деятельности в антисоциалистическую. Кстати, антисоциалистические тенденции могут появиться (и появляются, как показал опыт) и в сугубо государственных областях. И гораздо более опасные, чем в индивидуальном секторе, ибо они ослабляют госсектор изнутри. Вспомним о судах над директорами, министрами и даже секретарями обкомов. Вспомним о проекте переброски вод северных рек и многом другом. Возникли эти явления во многом именно из-за отсутствия соревнования, из-за монопольного положения государственных сфер торговли, бытового обслуживания, лечения и учения. Почему-то авторы «предостережений» против «частника» всего этого видеть не хотят. И мастер, который в свободное время сверх госзарплаты зарабатывает своим трудом 2 тысячи рублей в год, им кажется опаснее буфетчика, который «заработал» в год те же 2 тысячи рублей, обгорывая нас в государственном буфете. Так что борьба с антисоциалистическим перерождением актуальна и в сфере государственного хозяйства, и в индивидуальном секторе.

В то же время надо ясно видеть, что доходы тех, кто займется индивидуальным трудом, действительно могут быть велики. Особенно на первых порах, пока таких людей будет мало.

Но ведь денег сами эти люди не печатают. И если деньги собираются у кого-то, то только от нас, заработавших их. А раз так, то надо и к кооператору подходить с таким критерием: он должен получать, как и все при социализме, по итогам труда. Если он делает лучше, больше, качественнее — оплата должна расти. Глядя на свои ботинки, кое-как отремонтированные человеком с заработком в 200 рублей, я готов заплатить втрое больше, но чтобы ремонт был настоящим, без очереди, не через месяц, а через день, а то и при мне.

Но тогда я должен быть готов к тому, что мастер получит доход в 600 рублей.

Я заметил, что особенно возмущают высокие доходы «частников» тех, кто сам трудиться не любит и никаким дополнительным трудом заниматься не хочет. Для таких людей социализм — это строй, где можно умеренно трудиться и умеренно жить, а не строй, который должен создать базу для полного коммунизма. Но когда сосед вместо чтения

газет, телевизора и домино начал что-то делать, когда его доходы выросли и его семья стала жить лучше — я беру за него, чтобы клеймить презренного «шкурника».

8. Автор пишет, что можно далеко зайти в стимулировании, начнем «совать в лапу» и врачу, и кассиру и т. д.

«Совать в лапу» приходится уже давно. И это произошло задолго до появления решений об индивидуальном секторе. И если не прятаться от жизни, то именно развитие индивидуального сектора ослабит монополию закройщика ателье или продавца, сократит базу, питающую «лапу». И именно сохранение прежней ситуации, которую защищает автор, только усилит давление на нас, все чаще заставляя «совать в лапу».

А в том, что всех названных автором работников надо больше, чем сегодня, стимулировать, у меня сомнения нет. Я никогда не поверю, что люди годами работают на рабочих местах ради зарплаты в 100—120 рублей. Раз они не хотят уходить с этой работы, то они живут не только на официальную оплату. И надо антизаконные стимулы снять, но ввести законные. Базу для таких преобразований государственных предприятий опять-таки даст полный хозрасчет.

9. Автор пишет: «Грустные мысли возникают у меня, комсомольца тридцатых годов».

Что можно сказать? У меня тоже нет ликования по поводу того, что на семидесятом году Советской власти приходится развивать индивидуальный сектор. Я бы тоже хотел, чтобы была выполнена третья Программа партии и мы уже в 1980 году жили бы при коммунизме.

Но Ленин учил нас не грустить, а смотреть правде в глаза. И этот же урок повторил XXVII съезд партии.

Ленин учил нас не грустить, а работать, действовать. И сам он действовал. Если интересы сохранения социалистического государства этого требовали, он шел сколь угодно назад — к стати, вплоть до раздачи в частные руки фабрик, вплоть до концессий.

И нам надо не впадать в эмоции, а трезво видеть реальную жизнь. И если анализ показал, что только усилиями госпредприятий мы не лучшим образом двигаем хозяйство, не можем покрыть нами же выплаченную людям зарплату, если есть основания ожидать, что индивидуальный труд улучшит дела в экономике, надо на его развитие идти. Конечно, на этом пути много трудностей, много опасностей. Это тоже не прямая дорога. Но в целом в современных условиях развитие индивидуального сектора и кооперации — один из резервов ускорения.

А теперь общее соображение. Кто против развития индивидуальной трудовой деятельности?

Об одной группе я писал выше, говоря об автосервисе и таксистах. Они сами и руководители соответствующих служб, конечно, против.

О другой группе тоже говорилось выше. Это те, кто решил, что при общественной собственности работать можно меньше, разного рода лодыри. И опять-таки их хватает не только среди рядовых работников но и среди руководителей.

Третья группа — это своего рода догматики. Для них социализм ценен как таковой, а не как строй, способный обеспечить высокую производительность. Но строй, который не дает высшей производительности, как бы он ни был привлекателен, будет побит строем с более высокой технологической базой. Для таких догматиков важнее сохранить в чистоте идеал, чем сделать реальные шаги к его осуществлению. Путь к идеалу они не видят, поэтому берегут его как икону. На словах заботятся о ценностях социализма, а на деле ведут дело к его гибели.

СОЦИАЛИЗМ?

И автор письма, и многие другие авторы подобных писем требуют «не допускать» индивидуальной деятельности ради чистоты социализма. Почему именно «не допускать»? Почему эти авторы так **боятся** индивидуальной деятельности? Если подумать, то возникает и такое соображение. А ведь эти авторы в душе **не верят** в способность государственных предприятий работать лучше индивидуальных. Они заранее уверены, что победит «частник», и **поэтому** боятся его. Но ведь социализм должен экономически доказать свои преимущества. Он должен, как писал В. И. Ленин в период нэпа, победить экономически. Тогда это социализм. Но если так, то зачем «не допускать»? Напротив, если быть уверенным, что социалистическое государственное кафе «забьет» индивидуальные, то нечего и опасаться.

А у автора выходит неувязка. Оказывается, спасти социализм может только милиция, силой закрывающая кооперативное кафе. Чего стоит такой социализм, который без милиции удержаться не может?

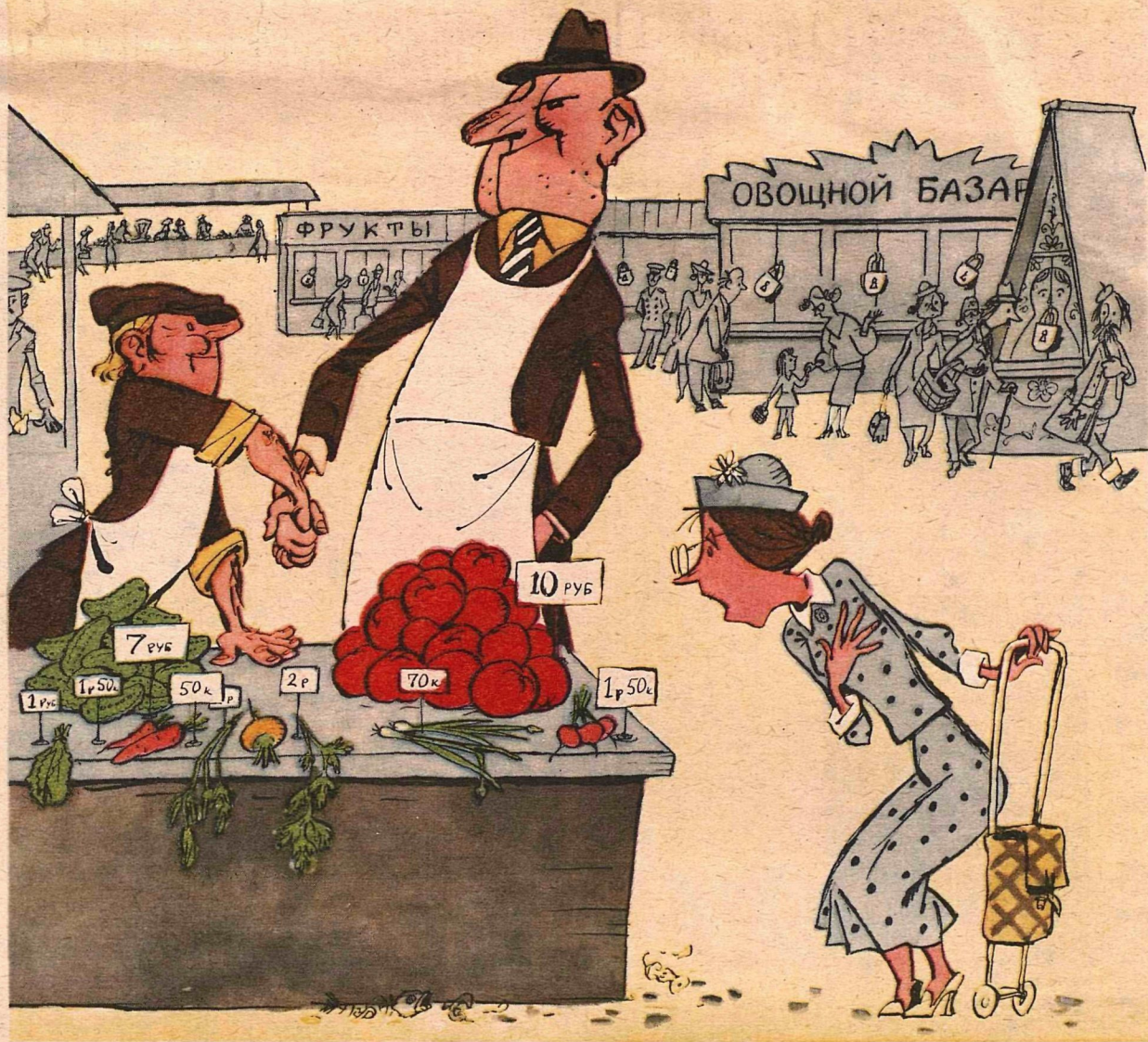
Конечно, в первые годы после революции, когда социализм был слаб, а свергнутый враг силен, без власти и милиции трудно было обойтись. Но, во-первых, мы дорого заплатили в годы репрессий за такое «сверхусиление» власти. А во-вторых, сколько лет держать социалистическую экономику на костылях? Пора перейти к нормальной жизни. Переход будет болезненным, многое в нашей жизни отомрет, особенно то, что является итогом бюрократических извращений в управлении.

Таким образом, против развития индивидуального труда и кооперативов выступает та часть руководителей и аппарата, которая ясно видит свою неспособность организовать дело хотя бы на уровне частника, а вот посты свои уступать не хочет. И ради желания остаться руководителем, пусть неэффективного государственного предприятия, выступает против любого кооперативного или личного как якобы антисоциалистического. А ведь антисоциалистической является именно их деятельность, так как именно она наносит ущерб Отечеству, дискредитируя социалистическую экономику и ее способность решать проблемы удовлетворения спроса.

В заключение я хотел бы сослаться на глубокие соображения, высказанные на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачевым: «Демократизация экономики неразрывно связана с активным использованием наряду с государственной собственностью различных форм кооперации, индивидуальной трудовой деятельности. На этот счет у нас приняты решения. Но надо сказать, что их практическая реализация вызвала неоднозначную реакцию. Причем зачастую речь ведут не о том, как быстрее и лучше использовать открывшиеся возможности, а насколько правомерна эта форма экономической деятельности при социализме.

Кое-кто усмотрел в кооперации и индивидуальной трудовой деятельности чуть ли не возрождение частнохозяйственной практики. Думаю, товарищи, и наш собственный опыт, и опыт других социалистических стран говорит о полезности и необходимости умелого использования в рамках социализма таких экономических форм. Они помогают наиболее полному удовлетворению насущных потребностей людей, вытеснению «теневой» экономики, всевозможных форм злоупотреблений, то есть реальному процессу оздоровления социально-экономических отношений».

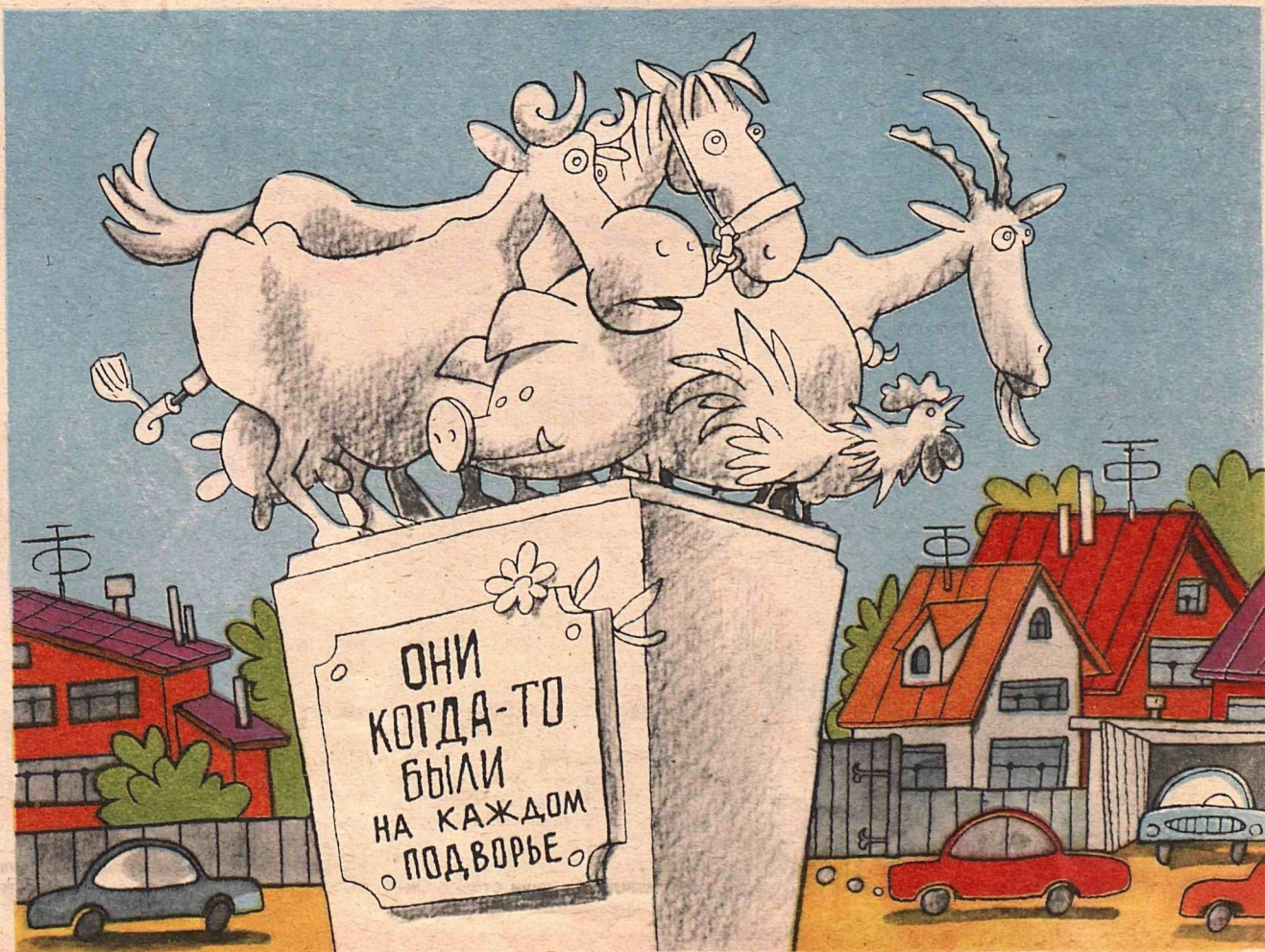
Гавриил ПОПОВ,
доктор экономических наук,
профессор МГУ
имени М. В. Ломоносова.

— И я вас поздравляю с пустыми овощными палатками!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА.

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

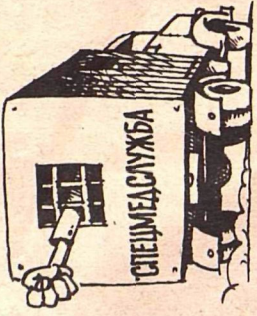
ГУЛЯЙ, ДА ГОЛОВУ НЕ ТЕРЯЙ!

Слово «гулять» в русском языке имеет два смысла. В первом случае «гулять» — это бездумно фланировать по улице, тенистым аллеям парка, по набережной. Если такое значение слова несколько расширить, то к гулянию окажутся причисленными и просмотр концертной программы, и танцы, и занятие в кружке художественной самодеятельности, и отпуск... Все, что разнообразит наш досуг, позволяет расслабиться после рабочего дня, трудовой недели, года, делает

нашу жизнь более содержательной и разнообразной, есть гуляние со знаком плюс. Но есть у слова и второе значение: «гулять» — это значит бузить, орать, куражиться, взявши рюмку за талию.

Такое времяпрепровождение у нас зачастую тоже называется отдыхом, хотя ничего общего с подлинным отдыхом тут нет. И к чему такой «отдых» может привести — об этом в нашей очередной листовке.

По льготным путевкам

Есть на что посмотреть и есть куда сходить в Москве.

Но измученным похмельем четверым туристам из Оренбургской области было не до выставок и примечательностей столицы. Они купили десять бутылок коньяку и, пока прочие туристы бродили по громадному городу, вернулись на теплоход «Советская Украина», где затеяли игру в карты и приняв бутылку ком. Игра шла по-крутному. Лагуткин, проиграв 150 рублей, остался, естественно, недоволен и по этому поводу высказал свои соображения и подозрения. Тогда собутыльники так отделали товарища, что спомали ему переносицу. Мертвецки пьяный, в крови, избитый, Лагуткин

был замечен милицией на верхней папубе теплохода.

Вот так отдыхали по льготным профсоюзным путевкам В. Ищенко, водитель «Оренбургтеологии», С. Куянец, дробильщик Медногогорского карьероуправления, С. Куватов, водитель автолонны 1592 Оренбурга, А. Лагуткин, монтер электросети Оренбурга. Об их манере отдыха сообщено на работу, к ним будет принят букет мер: лишение тринадцатой зарплаты, перенос очередного отпуска с летнего на осенне-зимний период года и т. д. Для полной справедливости не хватает еще того, что бы эти туристы оплатили стоимость льготных путевок, которые им были выделены для познавательного отдыха.

НАГЛЯДНЫЙ УРОК

Все было прекрасно! И погода. И место — база отдыха «Факел» в Фегитсове, что недалеко от города Новый Узен в Казахстане. И компания подобралась отличная — все свои, никого со стороны. И все шло к тому, что день отдыха обещал окончиться прекрасно для работников местного газоперерабатывающего завода, приехавших в «Факел». Но подошла к мужчине некая С. Таумбаева, предложила выпитьку. С наценкой, естественно, за отдаленность, риск и доставку. Недолго думая, газовики скинулись и «тазанули». Разговоры стали оживленнее, а споры острее. Распаленный водкой Игорь Кузнецов из-за пустяка ударил товарища ножом.

Кузнецов, а также спекулянтка Таумбаева привлечены к строгой ответственности; прочие отдыхающие получили наглядный урок того, к чему может привести выпивка.

ПЬЯНЫЙ КУЛЬТПОХОД

Дело было вечером, делать было нечего.

— А не провырнуться ли нам в кино? — предложил Телушкин Сергей, приехавший в Михайлов Рязанской области из колхоза «Новый путь» учиться на водителя. Вопрос адресовался Валерию Курганову, слесарю Михайловского автохозяйства.

— На сухую не пойдем, — отвечивал Валерий, который, кстати, однажды уже отбивал срок за хулиганство.

Нашли. Купили. Выпили. Пришли в кинотеатр «Космос». Там в кассу очередь. Стоять не хотелось. Дружки полезли без очереди.

— Молодые люди! — заметил стоявший тут же мужчина. — Соблюдайте порядок!

Вместо ответа Курганов его ударил. Подскочил и Телушкин. «Наших быют!» — заорал он, вступая в драку...

Но особо разойтись хулиганам не дали, — а тут подошла милиция.

И вот каковы итоги пьяного культпохода: В. Курганов получил четыре года лишения свободы с содержанием в колонии строгого режима, а С. Телушкин — три. Правда, условно. Учтено, что он — хулиган начинающий.

НЕЧАЯННЫЙ ОТДЫХ

Есть в городе Волгограде улица Дзержинского. Эта улица средни столичному Арабату — движение автомашин по ней категорически запрещено, тут царствует отдыхающий люд. А чтобы прогулки волгоградцев и их гостей символично окультурить и эстетизировать, по всей улице тянется газон и растут на нем розы. Воздух на улице напоен ароматом.

Перелибая аромат перегаром, сюда пришел отдохнуть водитель автобазы № 6 «Волгодонводстроя» А. Котлов. Умилился Котлов пейзажем: розы, дети, бабушки, девушки, как живые цвет-

Можно только догадаться, как встретила Котлова супруга, хотя и был Котлов трезв, как стеклышко.

Отсидев свое в колонии за хулиганство, несколько приумиравшим, поумневшим вернулся в родную Каховку Сергей Смирнов. Устроился работать. С хулиганством, казалось, завязал наконец, ибо, казалось, утихло, что за минутную дерзость прихвостился расплачиваться годами. Но то ли не попалась ему на глаза заметка в газете о буйствах иных болельщиков, нарывающихся на суровые административные последствия, то ли сам решил, что на футбольном матче

позволено все, — короче говоря, крепко выпив с товарищем, он направился на стадион. Вот тут-то в нем и разгулялся хулиган, да так, что пришлось его отправить в вытрезвитель.

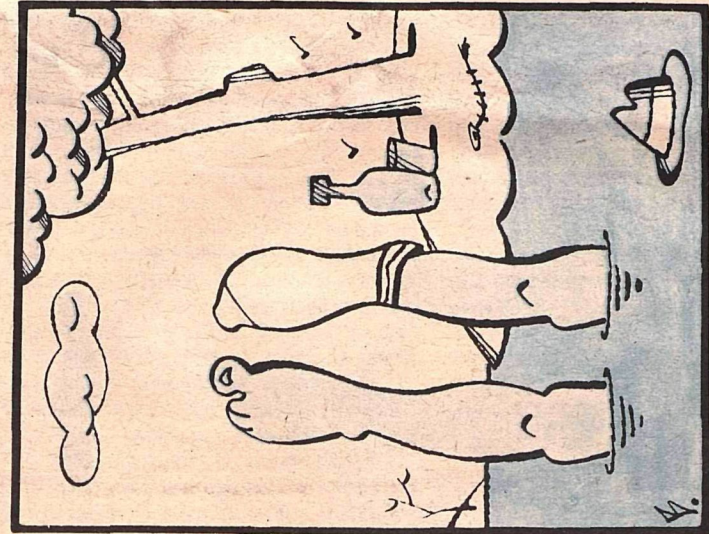
А когда после отрезвления на Смеру наложили штраф в двадцать рублей, он был изумлен: раньше-то, мол, на стадионе позволялось хоть на голове ходить, а сейчас, выходит, надо себя вести достойно?

Вот именно, граждане хулиганы!

На счету водки

Девятилетний Вугалик Семин, приехавший в гости к бабушке в Климовск, стоял на берегу пруда, чуть в стороне от местного пляжа и углял рыбу, когда к нему подошел негде не работающий, постоянно отъезжающий Александр Клиан.

БРЕЙК, ДА НЕ ТОТ

Миллионеры зашли на огонек и музыку во Дворец культуры города Борисова.

— Да что ж это за танец такой — елозить спиной по паркету? — удивился старшина. — Тут что-то не то!

— Все то, — возразил сержант. — Еще бывает — волчком на затылке вертятся. Называется танец брейк.

Но старшина его не слушал. Он подошел к танцующим и вытаскил из толпы лудышника белорусского объединения «Музыкальные инструменты» Виктора Смольского. Смольский, вяло сопротивляясь, опять повалился на спину.

— Под танец замаскировался? — гневно сказал старшина, морщась от запаха перагара. — Не проведешь!

И, вызвав автомобиль спецмедслужбы, отправил Смольского в вырезыватель.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

МОРЕ ПО КОЛЁНО

ВИНО И ЗРЕЛИЩЕ

Вроде и отшибное

это место — горный

приют «Ольховый»

Краснодарского края,

вроде и далеко от

него до винной точки,

но для организованно-

го туриста это не поме-

ха. 15 человек тури-

стов, расположившись

в приюте на постой, ре-

шили за ужином вы-

пить. Отрядили гонцов

за спиртным, и те к ве-

черу поставили на

стол десяток бутылок хмельного.

Славно пилось на свежем воздухе. И тут женский голосок пи-

снул: «Вина достаточ-

но, жаждем зрелищ!»

Тогда взял инструктор-

методист С. Зиманин

ружье, дорыскал взглядом — что бы такое по-

разить на потеху жен-

щинам? — и браво вы-

палил в фанерный до-

мик.

Рисунок Л. СТОРОЖУКА, г. Харьков.

— Смотрю, без дела стоит и стоит. Дай, думаю, внедрю!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

пьяный. Он решил освежиться, и полез в воду одному не хотелось. И Киян предложил Виталику: садись на спинку, пацан, прохладу. Мальчишка согласился, оседлал ядро, и тот с разбега вылетел в пруд.

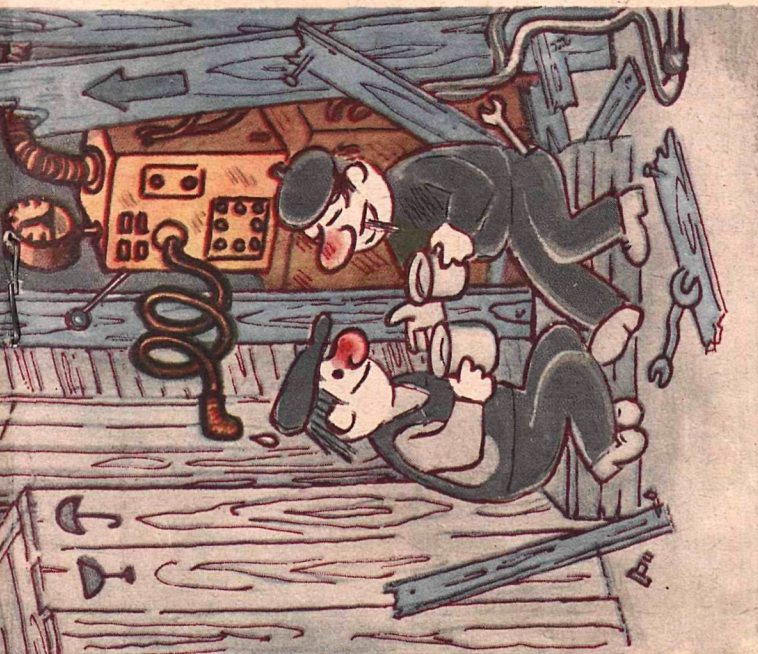
Выпитая водка придавала мужчине уверенности в своих силах, а сил оказалось маловато. Это Киян понял, когда они отплыли от берега метров сорок. Киян стал захлебываться. В панике сбросив с себя мальчишка, он выплыл в него мертвой хваткой. Оба ушли на дно.

Мало того, что водка утопила пьяницу, она погубила и мальчишку, доведя счет своих жертв до 164 — столько человек утонуло с начала лета только в Московской области. Основная причина — спиртное.

ЛИХИЕ ДЕВЧАТА

Ярославский «Шинник» принимал на своем поле «Горпледо» (Кутаиси). Ярослав бурлил. Лишний билетик спрашивали чуть ли не за чертой древнего города. Страсти были накалены до такой степени, что бодрить себя алкоголем даже самый забубенный болельщик счел бы излишним.

Но не так считали болельщицы. Две девушки — Е. Валеева, работница Ярославского радиозавода, и С. Свиридова, учащаяся средней школы, — пришли на стадион в изрядном подпитии. И когда грянул матч, девушки перекрыли пронзительным виз-

НА ТРЕЗВУЮ ГОЛОВУ

На озере стояла тишина, только где-то «шумел камыш».

Не той до дна, тем более если не умеешь плавать.

С. МАРКОВ.

Тот, кто выпить не дурак, обычно становится им, когда вьются.

Опасно мчаться на всех парах, если они винные.

Плохо, когда соображения хватает только на троих.

ИВ. ИВАНЮК.

ЦИРК

Окажись в этот день моторист Северо-Западного речного пароходства А. Мишин, к примеру, в театре, все бы обошлось. При открытии занавеса Мишин отошел бы ко сну и к концу спектакля был бы как стеклышко. Но занес его черт в Ленинградский цирк, а цирк — это не театр. То аплодисментами отгонят сон, то «ахами», то клоуны, явы их ные пузыри, отчего почтенная публика как бы впадает в детство, визжит и машет руками... Словом, покарить мотористу не дали. И тогда встал Мишин, по горган залитый вином, и сказал непечатное в адрес публики. Затем пошел по рядам, наступая на ноги и опираясь на головы зрителей.

Поначалу его выходка была воспринята как номер «подсадного», но тут вмешалась милиция. Она, кстати, и оценила выступление А. Мишина. В 30 рублей плюс сообщение о способностях «артиста» на место работы.

Если бы чкаловские собаки умели писать жалобы, они бы, конечно, первыми стали искать у Крокодила защиты от беззакония. Они могли бы, например, пожаловаться на злостное нарушение «Инструкции по отлову, содержанию и истреблению безнадзорных собак и кошек в городах и других населенных пунктах Таджикской ССР» в части пункта 4, который гласит: «Отстрел бродячих собак в населенных пунктах категорически запрещается».

Но собаки не сутяжничают, не мстят, и не их заслуга в том, что Владимир Орехов, бывший рабочий по отлову бродячих животных жилищно-коммунального управления, сам оказался «в клетке». Выездная сессия Чкаловского городского народного суда определила его на три с половиной года в колонию общего режима за занятие запрещенным промыслом в значительных размерах и с эксплуатацией наемного труда.

Тут уж бывший собаколов воззвал к «Крокодилу»: «Суд народный, а я, Орехов, частица народа, за 13 лет дал этому народу 10 000 собачьих шкур. Меня за это награждать надо, а не судить». Разумеется, редакцию до дрожи возмутила такая несправедливость, в Ленинабадскую область был срочно выслан корреспондент для установки на центральной площади г. Чкаловска прижизненного памятника охотнику.

Так тридцатисемилетний Владимир Орехов именует себя сам. «Во мне живет инстинкт предков, охотник я по натуре, женщинам этого не понять», — убеждал он меня в камере. Надо слышать и видеть, как страстно рассказывает он о своей любви к оружию, как делает такие нежные, пластичные движения, словно прицеливаясь, словно оглаживая в экстазе полированное ложе малокалиберной винтовки. Губы трубочкой, лицо вдохновенное, на глаза надвинута неснимаемая джинсовая кепочка а-ля попира-тель законов и джунглей. Вот он, бесстрашный охотник, готовый схватиться хоть с тигром, хоть с милиционером!

Охотник не чужд возвышенному искусству, любит себя увековечить. О его подвигах лучше всего расскажет любительский кинофильм «СД», что расшифровывается как «Собачье дело». Вот кадры его кинолюбительства: собачка под чьей-то калиткой привелитва машет хвостом, ствол мелкашки приближается, собачке этот предмет незнаком, она думает, что с ней играют, виляет хвостом. Бах! Собачка заплясала танец смерти, собачка пляшет, камера фиксирует. А вот расстрел собаки в клетке: бах! — шерстяные клочки.

А вот перед нами полный грузовик собачьих трупов в крови. Охотник — мастер промысла, его личный рекорд — 67 трофеев за смену. Следующий кадр: совсем маленькая собачка, крупный план. Она не то еще недобита, не то предчувствует страшную казнь, даже не пытается вырваться из рук охотника, взгляд обреченный, человеческий. Шарах собачку головой о камень, и победно руку вверх — ап! Охотник!

— Зачем вы это снимали, Володя? — спрашиваю я его в келье следственного изолятора, где табуретки привинчены к полу. — Какова идея вашей киноленты?

— А это так, что-то вроде учебного пособия для собаколовов, методика.

Нет, охотник, это не методика, и здесь очень даже видна философия. Однако посмотрим, как будет развиваться действие фильма.

Вот жена охотника Лида, мать троих детей, в прошлом учительница русского языка начальных классов, разделяет тушу собаки: руки ее по локоть в крови, клеенчатый передник в крови. Тем временем сам охотник

уже помешивает в мангале угли. А вот и собачий шашлычок, очень аппетитный на вид. Его уписывают добровольные, за стакан, помощники охотника, именуемые им «неграми», и пухлощекие белокурые фельдшерницы из соседней ветлечебницы.

А их-то за что так щедро угощает, их, с кем по идее должен бы враждовать? Но «айболиты» деятельности охотника вовсе не препятствовали, наоборот — помогали ему сбывать перетопленный собачий жир — 5 рублей за бутылку. И парным мясом охотник тоже приторговывал. Смотрим на экран: вот как раз покупательница приехала на авто за свежей собачкой. Маленькая освежающая собачка — 3 рубля, большая псина — до 10 рублей, как показали на суде «негры».

И шкуры, само собой, шли в дело. Боль-

СОБАЧАЯ ОХОТА

Леонид НИКИТИНСКИЙ,
специальный
корреспондент
Крокодила

шую часть он сдавал в заготконтору, а часть, на какую хватало сил, выделывал с еще большей выгодой кустарным способом и шил шапки. При обыске у охотника обнаружилось более 20 шкур и десять шапок, за которые он получил бы, по подсчетам суда, тысячи полторы.

Но, видимо, реклама была еще не на уровне, и не всю продукцию, в первую очередь мясную, удавалось сбывать прямо из-под топора. Покумекав, охотник, парень не промах и в инженерном отношении, разработал тогда целую технологию, сконструировал со второй попытки автоклав (первый у него взорвался) для консервирования собачьего мяса. Целый центнер такой тушенки был припасен у него и изъят при обыске.

Нет, собакоедство вовсе не является местной традицией. Собачка — это уж, так сказать, изыск. Для любителей пикантных блюд. Ах, вкусно! Да дешево!

Ну, а если там какая-нибудь бруцеллезина-туберкулезина притаилась? Не исключено, что кто-то заболел или отравился — где их, тех покупателей, искать?

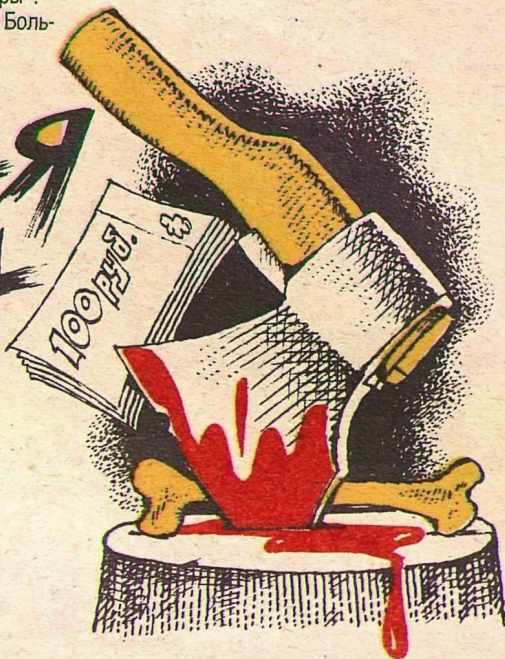
«Годность собаки к употреблению я определял на глаз», — самолюбиво заявил Орехов на вопрос суда.

Стоп. Ты кто? Ты же охотник, а не ветеринарный эксперт. Ведь не случайно неорганизованная, бесконтрольная продажа мяса запрещена. Тем более в консервах. Тем более собачьего. Хотя последнее — уже моральный, а не юридический аргумент.

А теперь сменим пленку на проекторе и посмотрим другой фильм с незатейливым названием «Денюжки». Охотник после подвигов заслуженно отдыхает: пиво пьет, похлывая себя по голому пузу, музыку слушает в стереонаушниках — кайф! А вот четыре картофельных мешка денег. Деньги, конечно, только сверху, для виду, внизу-то тряпки,

а может, не пошедшие в дело собачьи хвосты. Но и того, что в кадре, хватит, чтобы поразить воображение обывателя: тысячи пятнадцать на глазок красными червонцами и лиловенькими новенькими четвертаками. Охотник сгребает червонцы снеговой лопатой, ногами утрамбовывает в мешки. Смотри, воспитуемый кинозритель, вот как надо жить!

Скажи, охотник, а эти кадры зачем? Это тоже методика? Тут рождается версия вторая: это просто киношутка. Ах, ну да. Охотники же любят пошутить, это всем известно. Но, пожалуй, эти фильмы (всего при обыске изъято 14 лент) действительно в своем роде учебные. Охотник показывал их друзьям

и «неграм» на десерт после водки (пили литрами), воспитывал и учил себе подобных охотников. Хочешь жить — делай, как я.

«Я считаю, что я выгодно все делал, — убеждал охотник выездную сессию народного суда. — Так сказать, безотходное производство... У меня на Чкаловской базе собаколовов есть холодильник для трупов, мясо можно долго хранить. Я не на словах, а на деле участвовал в выполнении Продовольственной программы». Далее по судимый развил оригинальный проект создания собачьей фермы на отходах мяскокомбината, где псов будут разводить на мясо и селекционировать по меху. Автор проекта обеспокоен судьбой своей отрасли, ибо «в последнее время я стал замечать исчезновение ценных особей по меху».

Еще бы! В Чкаловске через месяц его промысловой деятельности стрелять стало совсем нечего. Орехов придумал устраиваться на работу собаколовом в 5–6 городах и поселках одновременно, оформляя вместо себя жену или подставных «негров». На своем охотничьем фургоне типа «Москвич-пикап» он колесил по всей Ленинабадской области, наведываясь даже и в Киргизию.

«Я работал в колхозе имени Фрунзе, — пояснил Орехов на суде. — Разгром навел там полнейший. Отстрелял — охотничьи угодья опустели, уехал в другие районы, богатые «дичью». Однако молодяк сытый промысловик не выстреливал — оставлял на развод.

И никому не было страшно, и никого мороз по коже не драл из-за того, что рядом промыслуется белым днем на глазах у взрослых и детей такой вот «охотник». И ведь не

какой-нибудь басмач, а имеющий официальный мандат жилищно-коммунальной службы защитник человечества от собачьей угрозы.

Отлов бродячих животных — это печальная необходимость: неприканные дворняги, особенно в южных, не знающих стужи городах, действительно создают неудобства людям. Поэтому уже упоминавшаяся нами инструкция лапидарно определяет: «Собаки, независимо от их породы и назначения, находящиеся без владельцев на улицах и в других общественных местах, считаются бродячими и подлежат отлову». Отлову, не расстрелу на глазах у широкой общественности.

«Инструкция» не случайно ставит собаколовов в положение ночной, спрятанной от людских глаз, как бы секретной службы.

Одного только не предусматривает инструкция: санкций. Уголовные кодексы большинства республик за уроки жестокости и по отношению к животному, за расстрел собаки на глазах у детей не карают. Административные санкции смехотворны и грозят более владельцам собак, нежели доблестным собаколовам. Приходится людям бороться с такой жестокостью своими средствами, не опираясь на закон.

Вот одно из грозных предупреждений, написанных детским почерком и хранящихся в следственном деле: «Орех — тухлый мех! Ты у нас убил двух собак по кличке Шарик и Дина. Все ребятишки плачут от тебя. Есть такая поговорка: кто убивает собак, тот раньше всех умрет. Вот я и желаю, чтобы ты скорей сдох. Я возглавляю команду против тебя, я буду мстить...»

Команда — отнюдь не детская фантазия. Об этом свидетельствует заявление Орехова на имя начальника Чкаловского ГОВД: «...участились случаи вредительства на базе собаколовов. Дети бьют камнями окна в служебном помещении, сыпят песок в бензобак, испражняются под коврик моей квартиры, перелезают через забор, воруют отловленных собак и выпускают на улицу. Сегодня, 16 апреля 1987 года, мной задержан школьник Крылов Володя в составе детской группы из 7 человек. Дети с похищенными с базы щенками шли по улице и предлагали людям взять щенков».

Следствие установило «вредителей». Ими оказались: Ильчизар Мустафин, Алеша Стрижаков, Денис Герасимов, Юра Заруба и Костя Кондратов — все из 5-го «б» средней школы № 6.

Знаете, какое сегодня самое обидное ругательство в лексиконе чкаловской детворы? «Ореховская рожа». Кое-кто уже забыл этимологию, но если сверстник ведет себя гнусно, обижает слабых, ему кричат: «Эй, ты, ореховская морда!»

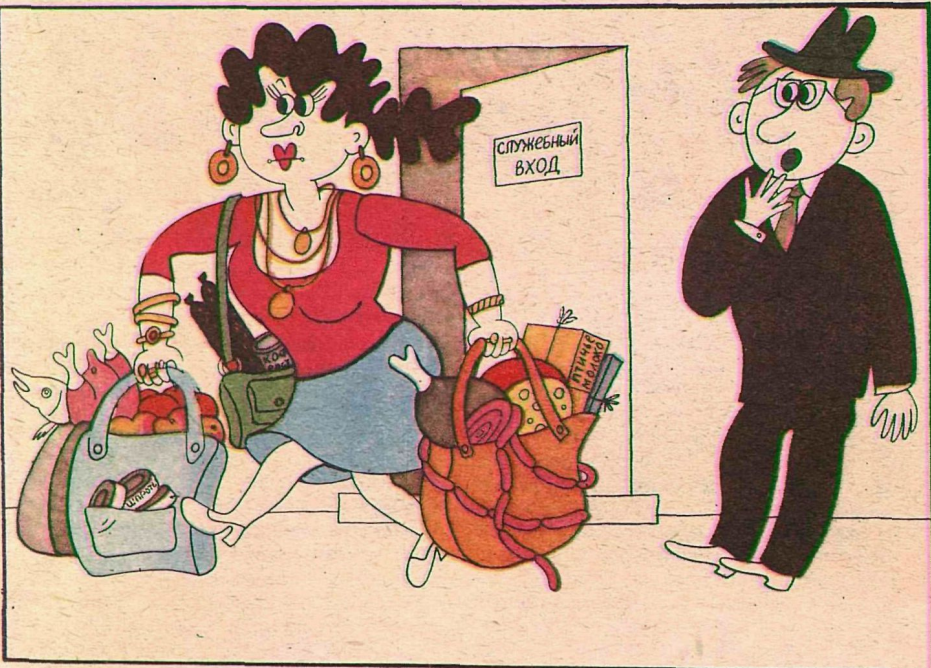
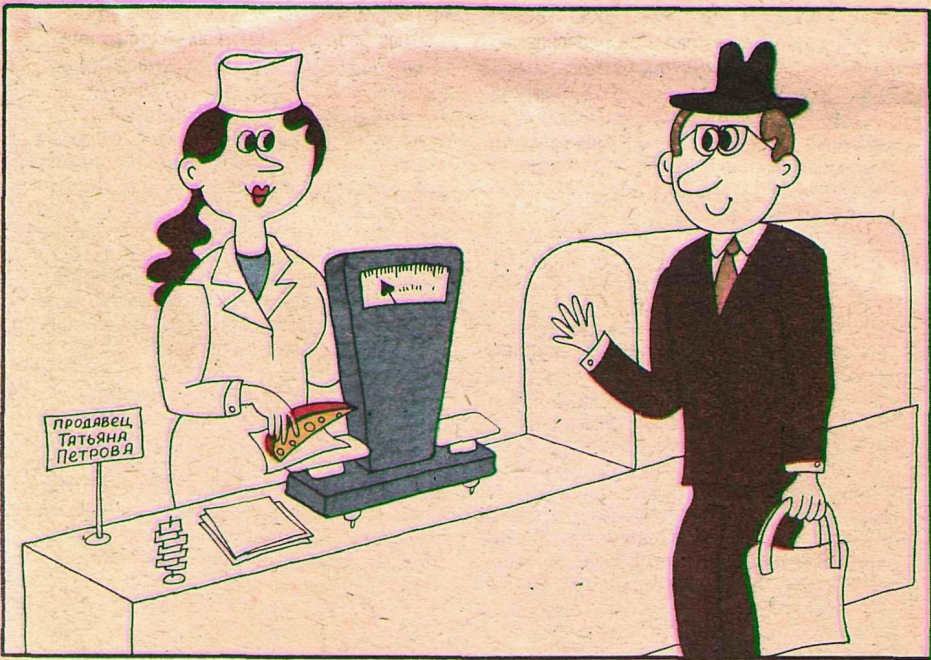
...Охотник молит о помощи охотнику. Чем же ему помочь, «Муму», что ли, дать почитать? Не склоняется душа к милосердию. Еще три года человечество как-нибудь потерпит.

А что через три года? Вернется ли Орехов в Чкаловск снимать продолжение своих киношедевров? Или, пока суд да дело, его место займет другой «охотник» — из числа знакомленных с «кинометодикой»? На «базе собаколовов» — в загоне, обнесенном колючей проволокой с табличкой «Опасная зона», ждут их колода с топором, и крюки, и «патентованный» автоклав. Трепещите, дворняги!

«Всякое дело когда-то начиналось впервые», — цинично заявил Орехов, пропагандируя свой проект откормочного собакокомбината.

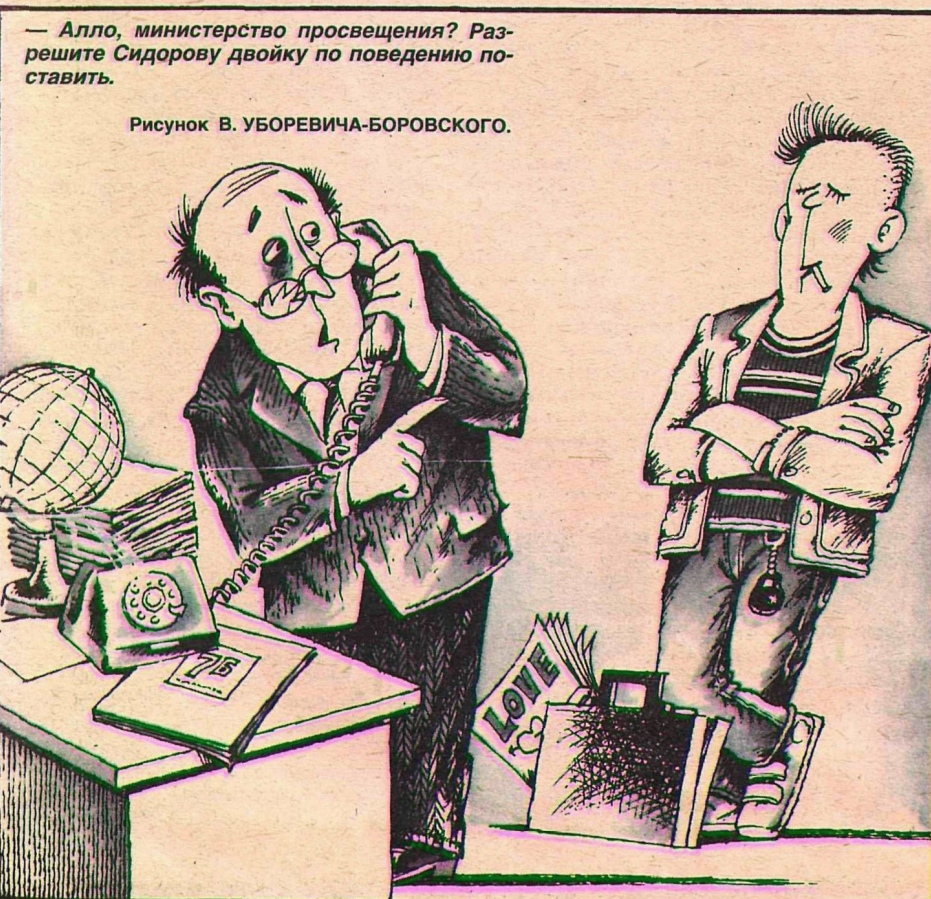
Начиналось. Но не всякое! Существуют определенные моральные границы, которые и впервые нельзя переходить. Очень далеко можно зайти.

Таджикская ССР.

— Ужель та самая Татьяна?

Рисунок Л. ФИЛИПОВОЙ.

— Алло, министерство просвещения? Разрешите Сидорову двойку по поведению поставить.

Рисунок В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО.

РЕТРО

Что ж, когда-то был и я мальчиком кудрявым
И записочки писал почерком корявым.
Ветер в школьное окно чиркал тонкой веткой,
А я тайно наблюдал за моей соседкой.
Во втором ряду она с краешка сидела,
Никакого до меня не было ей дела.
Я в затылок ей глядел, думал — обернется,
У доски нес чепуху, думал — улыбнется.
Так понравиться хотел я девочке этой,
Но ей нравился, увы, двоечник отпетый.
Может быть, она его, бедного, жалела,
Когда он как пень молчал, сжав обломок мела.
Я же видел, видел сам, что творилось с нею,
Когда, глядя в потолок, плел он ахиною.
На уроках я сидел грустный, недовольный,
Мне ужасно надоел треугольник школьный!
Я соперника не мог сбросить с пьедестала
Перед тою, что его мне предпочитала.
И тогда, давным-давно, сделал вывод хмуро:
«Непонятна и темна женская натура...»
Как же я переживал, за сердце задетый,
Что исправил двойки все двоечник отпетый.
Сколько лет уже прошло, а к нему ревную
Одноклассницу мою, школьницу смешную!

СКАЗКА О ШУТКЕ

Король Скучиниус Второй
Был очень вредный, злой король,
Что значит юмор — он не знал
В своей стране Скучинии.
И каждый житель там скучал,
Никто вокруг не замечал
Ни звезд, ни радуг, ни цветов,
Ни веток в снежном инее.

Однажды из-за синих рек
Один веселый человек
В то королевство прискакал
Верхом на белой лошади.
Он шутку бросил невзначай —
От шутки спряталась печаль,
И прокатился дружный смех
На самой людной площади.

Смеялся громко весь народ,
И даже стража у ворот,
Держась руками за живот,
Вовсю тряслась от хохота.
И сам Скучиниус Второй,
Сам очень вредный, злой король —
И тот от смеха весь дрожал,
А так дрожать — чем плохо-то!

Сказал король придворным так:
«Представьте, юмор не пустяк!
Жаль, прежде я не знал о нем
В своей стране Скучинии!»
И неспроста, наверно, вдруг
Светлее стало всем вокруг
От звезд, от радуг, от цветов
И веток в снежном инее!

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Устроен мудро мир.

Но тем не менее
Бывает и у солнышка затмение.
И вмиг спешит —

ну как же! —
кто-нибудь

На этот факт

сквозь стеклышко
взглянуть.

*Михаил
Пляцковский*

ДАВНЫМ-ДАВНО КОГДА-ТО...

Давным-давно когда-то
Спросил пират правата:
— Эй, дурень, правду говорят,
Что в разговоре груб пират?
Другой пират сказал в ответ:
— Вот чепуха! Конечно, нет!
Не верь, дубина, сплетням
Ни старым, ни последним!
Неправду говорят,
Что груб любой пират!

ЗЯТЬ

Эх, какой у тещи зять —
Длинный и степенный.
Ничего с него не взять
Да с его стипендий.

Что возьмешь с него? Студент!
С тестем подружился.
И по-модному одет,
Ходит в этих... в джинсах.

Теща смотрит на зятяка:
«Дал же бог росточку!
Не иначе — свысока
Высмотрел он дочку!»

Дать своей родне отчет
Теща очень рада:
— И не курит, и не пьет...
Парень — то, что надо!

Не беда, что он пока,
Будто вобла, тощий...
Будет толк наверняка
От кормежки тещи!

— Я свое место в литературе занимаю по праву.— Ердынский кашлянул.

— Друг мой,— жена сдвинула на нос очки, широкие черные брови ее резко выделялись на лице,— не надо передо мной играть. Если я и была в приятном заблуждении по отношению к твоей прозе, то лишь в первые годы замужества. Ты играй где-нибудь там, на собраниях своих, перед читателями. Смотрю я на тебя... Знаешь, кого ты напоминаешь мне?

— Кого еще? — неприязненно спросил Ердынский в ожидании очередного прозвища.

— Саврасого.

— Кого, кого? — поморщился Ердынский.

— Конь у нас был после войны в деревне, Саврасый. Здоровый такой, ленивый мерин. Ни скакать на нем, ни пахать на нем, ни траву косить, ни дрова возить. В одно дело гош был — глину месить.

— А-а, перестань ты! — Ердынский не смотрел на жену.

— Мужики наши вернулись с войны, строить начали,— продолжала жена.— Дворы скотные строили, школы, клуб, сад детский, избы. Глины много требовалось. Выроют широкую круглую яму в полметра глубиной, дно подчистят, глины набросают в яму, водой зальют. Загонят мерина в яму и ну гонять его по кругу. Сначала парнишка на нем верхом сидел, погонял, а потом Саврасый сам привык. Парнишка сидит около ямы на траве, покрикивает иногда, а мерин глаза закрывает, и пошел по кругу, и пошел по кругу, только копыта чавкают.

— При чем здесь мерин, глина, литература? — Ердынский дернул губой.

— Так вот и ты,— закончила жена,— тридцать пять лет ходишь по кругу, глину месишь.

— Знаешь что,— сдерживаясь, сказал Ердынский,— оставь меня, пожалуйста, одного. Мне и в самом деле что-то нездоровится. Я прилягу.

Жена вышла. Она давно уже распознала настоящую цену мужу своему, его книгам. Правда, в первые годы их совместной жизни ей немного льстило, когда кто-нибудь из знакомых говорил, что читает книги ее мужа. Или прочел на днях. А потом и это прошло. Но один раз, будучи директором школы, по просьбе учителей она приглашала мужа выступить. Это было лет пятнадцать назад...

Оставшись опять один, вконец расстроенный разговором с женой, Ердынский снял с полки все двадцать семь своих книг, разложил перед собой на диване и стал смотреть на них, беря то одну, то другую бережно в руки.

«Неужели все то, что говорит она, правда? — подумал он.— Неужели все это совершенно ничего не стоит? Тридцать пять лет впустую. Нет, не может этого быть».

Вот первая книжка его, начало всех начал. «Течет речка по песочку» называется. Всего десять печатных листов. В нее вошли были, предания, различные житейские истории, старинные песни, частушки тех мест, где после института работал учителем Ердынский. Он все это записывал вначале просто так, из интереса, для себя. Исписав несколько тетрадей, подумал вдруг: а что если издать? Поехал на каникулы в город проведать родителей, принес прямо в издательство, предложил. Прочли, издали, да быстро так. Надо сказать, что и издавать

в пору ту некого было: всего шесть человек, пишущих на область. Издавали классику, тех шестерых, всякую подсобную литературу. Сейчас пишущих в городе не счесть, планы издательские составляют на пять лет вперед. Иному и шесть, и семь лет приходится ждать книжки своей. А тогда...

Издали. Отработав положенное, вернулся Ердынский в город. В год выпуска книжки вернулся. Тут же его и в союз творческий приняли без всяких задержек: надобно было создавать в городе писательскую организацию. В двадцать пять лет — член Союза писателей. В те же дни женился он на молоденькой девушке-студентке, которая сейчас смотрит на него поверх очков.

Сколько было удач в том памятном году, далеком теперь! И юная

— Ты наша надежда и опора,— поздравляли Ердынского другие старейшие писатели города.— Мы уже старики, мы послужили литературе, сказали свое слово, теперь слово за тобой. Давай расправляй крылья. Книга есть, надо писать, издавать вторую.

И Ердынский сел за вторую. Сел с заранее намеченной целью. Но день закончился, еще день, а у него ничего не получалось. Ни строки. Оказалось, что ему не о чем писать. Если были, сказания, истории, совсем не думая об их издании, он записывал с чужих слов, стараясь по возможности складнее переложить все это на бумагу, то сейчас рядом с ним никого не было — ни восьмидесятилетних стариков, в прошлом охотников, рыбаков и землепроходцев, помнивших множество самых невероятных случаев,

скому слышать о себе, и это волновало его.

Вот Ердынскому тридцать лет, вот тридцать пять, вот сорок. Молодой, стройный, красивый, с распадающимися над высоким лбом каштановыми волосами. Выступая, он поправлял левой рукой волосы, они снова падали на лоб, правая же рука была вскинута, добавляя выразительность речи. Речи его никогда не отличались глубиной, но виртуозность построения, пафос, жесты как бы скрывали глубину, и Ердынскому аплодировали, как аплодируют актеру на сцене.

Он любил встречать и провожать гостей, особенно всякого рода литературных дам из Москвы. Ердынский преподносил им, сошедшим с трапа самолета, цветы, целовал ручки, вез на своей машине в гостиницу, а потом на дачу — просторную, обшитую

ВАСИЛИЙ
АФОНИН

РАССКАЗ

любящая жена, и первая книга, и членство в творческом союзе, и отдельная квартира, полученная им уже как писателем, и то, что у него такая звучная «литературная» фамилия, и то, что не нужно было нигде служить,— все это вместе обещало долгий счастливый праздник.

Ему казалось, что в городе только и разговор, что о его книге. Что с выходом ее должны наступить какие-то сдвиги, качественные изменения в жизни людей. Он заходил в самый большой книжный магазин на центральной улице и, стоя в стороне, наблюдал за покупателями. Потом приближался к прилавку, спрашивая с улыбкой продавщиц:

— Ну как тут моя книга, раскупают?

— Ваша книга?! — вскидывали брови продавщицы.— Какая?! А кто вы?! — Ердынский называл себя.

— Берут, берут,— улыбались и продавщицы.— Вчера много продали.

Покупатели, слыша разговор, оглядывались, просили подписать книжку. Ердынский вынимал ручку, склонившись над прилавком, подписывал что-нибудь с обязательным «На долгую память» и размашисто расчеркивался. Покупатели благодарили его, некоторые затевали разговор.

— Ну вот, теперь ты настоящий писатель,— поздравлял Ердынского, вручая ему писательский билет, один из тех шести, принявших Ердынского в свою компанию. Ежели необходимо было что-то где-то сказать о нем, то, не находя иных заслуг, говорили, что он один из старейших писателей города. По возрасту он был самым старшим действительно.

— Считаю себя в душе писателем — одно,— продолжал старейший, пожимая руку Ердынскому,— а иметь на руках билет — другое. Еще лучше. Носи всегда при себе, при необходимости любому можно доказать, что ты не кто-нибудь, а писатель.

ни девятидесятилетних старух, знавших ту, прошлую жизнь, державших в памяти приметы старины, песни и частушки. Надобно было думать самому. О чем писать? Он растерялся.

Ердынский родился и вырос в городе, был сыном благополучных родителей. Отец его работал директором банка, мать заведовала больницей. В детский сад Ердынского не отдали, опасаясь инфекций. В семь лет он пошел в школу, в семнадцать окончил ее, поступил в институт. Получив диплом, уехал работать в деревню. Вот и все, никаких исключительных событий, могущих стать материалом для книг.

Тогда Ердынский решил поэтапно описывать свою жизнь, отчасти разбавляя вымыслом, как и положено в художественной литературе. Сначала он описал школьные годы, получилась повесть о школьниках. Повесть была не велика и не мала, но на отдельную книгу не тянула. Ердынский присоединил ее к первой книжке и издал. Затем написал он повесть о студенчестве, издал ее со второй книгой. Следующей повестью была повесть о сельской школе, героями ее были учителя. Третью Ердынский издал вместе с первой и второй повестями, самую раннюю книжку уже не трогал. Передохнув, Ердынский начал четвертую. Это была повесть о любви. Он описал историю своего знакомства с будущей женой, свадьбу, свадебное путешествие на пароходе по Оби до самого ее устья. Четыре повести и составили его пятую книгу, изданную с предисловием, довольно большим тиражом.

В ту пору он был у всех на виду, много выступал, когда требовалось выступить от писательской организации, и закрепил за собой репутацию первого оратора города. Ни адвокаты, ни профессора институтов, ни лекторы общества «Знание» не могли сравниться с ним в красноречии.

— Так может сказать лишь один Ердынский,— приходилось Ердын-

строганой планкой избу в сосновом лесу на берегу родничкового ручья. Он показывал им город, дарил свои книги, сувениры, и дамы, очарованные Ердынским, уезжали обратно в столицу.

Приятно было слышать, что ты первый оратор города, но еще приятнее было осознавать, что ты первый в городе и области писатель. Старики один за другим умерли, и теперь Ердынский был главной фигурой. Ему несколько раз предлагали стать ответственным секретарем писательской организации, но Ердынский отказывался, соглашаясь быть заместителем, хотя все прекрасно понимали, что практически организацией руководит он. Организация постепенно увеличивалась, но отбор был самый жесткий, потому как Ердынский давно понял, что большая писательская организация во вред прежде всего ему, и от его мнения зачастую зависело, быть или не быть новому члену. Но прекратит совсем рост организации он не мог.

Местный художник Папин пожелал написать портрет Ердынского в красках, и Ердынский неделю позировал за своим рабочим столом.

— Времена меняются, а не к лучшему,— рассуждал Папин, окуная кисть в краски.— Долгое время занимался я копиями, снимал с картин известных художников. Своего ничего не делал. Бывало, возьму журнальную репродукцию картины «Грачи прилетели», несколько дней, и работа готова. А работа какая — загляденье! Не отличишь от оригинала. Даже лучше оригинала, клянусь честью! С какими художниками приходилось работать мне! Нестеров! Левитан! Кунинджи! Так нет, запретили. Теперь вот портретной живописью занялся. Повернитесь, прошу вас...

— Не надо спешить. Помните, что литература не терпит суеты,— внушал на областных семинарах Ердынский молодым прозаикам.— Не следует искать преждевременно славу, она сама найдет вас. Учитесь у классиков,

это самая лучшая школа. Я, например, учился у Чехова...

— Начало трудно дается, — признался один из начинающих. — Ищешь, ищешь...

— Начало! — воскликнул Ердьнский. — Что может быть проще! Продолжать труднее, а начало... Скажите, когда у вас происходит действие?

— Весной.

— И очень просто. Напишите: «Был прекрасный весенний день». Это если днем. А если утром, то... «было прекрасное весеннее утро». Вечером... «Был прекрасный весенний вечер». Так же можно и относительно к осени, к зиме. К любому времени года. И продолжайте себе...

Так длилось довольно долго, до тех пор, пока с Шегарки, с самого верховья ее, из деревни, где он родился, вырос и жил, в город не переехал Камышов. Как раз отмечали первый юбилей Ердьнского — пятидесятилетие со дня рождения и двадцатипятилетие литературной деятельности. Камышов на юбилее не был. Он приехал в город всего с двумя журнальными публикациями, это были повести, напечатанные в центральном журнале, за последующие десять прожитых в городе лет издал две небольшие книжки, но когда Ердьнский, познакомившись с Камышовым, прочитал журналы, он сразу же сообщил, что как это ни грустно, но придется молча отступить в сторону.

— Говорят, ты знаешь, как надо писать прозу? — дерзко спросил однажды в присутствии литераторов Ердьнский Камышова.

— Знаю, — спокойно и серьезно ответил Камышов, глядя Ердьнскому в переносицу. — Писать нужно просто и хорошо.

И отошел от Ердьнского.

Камышов был высок, русоволос, медлителен в движениях и разговорах. Говорил неторопливо, вроде бы теряясь, но слова подбирал точные. Как оратор не был сравним с Ердьнским, это Ердьнский заметил сразу. Одежде не придавал особого значения. Зимой ходил в теплых до колен сапогах, кроличьей шапке, сунув руки в карманы, подняв воротник полупубка, крытого темной твердой материей. Глядя со стороны, нельзя было определить, что это идет писатель. Но лицо Камышова имело примечательное, по лицу можно было о многом догадаться. По тому, как держался, вел себя.

Он редко появлялся на писательских сборищах, а если и появлялся, то садился куда-нибудь в угол и молча сидел, пока остальные выступали. Иногда он подымал на выступавшего сумрачные, как выражалась одна поэтесса, сразу же невзлюбившая Камышова, глаза свои и пристально смотрел на него. Последним, как правило, выступал Ердьнский, чтобы покрыть пространной речью выступление других. Ердьнский не любил, когда во время речи Камышов подолгу и тяжело смотрел на него. Ердьнский таким образом дважды сбивался, чего раньше за ним не замечали. Иногда и сам Камышов произносил несколько фраз. В присутствии его даже самые неуправляемые поэты стихали, а поэтесса всегда отворачивалась либо вставала и уходила тут же, если Камышов обращался к ней за чем-то.

Внешне отношения Ердьнского и Камышова выглядели почти товарищескими, но втайне Ердьнский несколько раз давал Камышову почувствовать свою руку. В творческий союз Камышова принимали по первой книжке и журнальным публикациям.

Не принять вообще было никак нельзя, случился бы скандал, это понимал Ердьнский. Да все против и не проголосовали бы, и это он понимал. Поэтому Ердьнский так организовал прием, что голосующие разбились на две равные партии — одна голосовала за прием, другая против. Чтобы прием состоялся, требовался всего один-единственный голос, и этим голосом был голос Ердьнского. Ердьнский проголосовал за прием, показывая таким образом Камышову, что тот мог быть и не принят.

Избирали делегатов на республиканские съезды, Камышов избран не был. Существовало правление писательской организации, оно и решало, кому ехать на съезд. Ехал, как правило, ответственный секретарь, ехал Ердьнский и еще кто-нибудь из членов правления, чаще всего поэтесса, постоянный член правления. Ердьнский был делегатом всех съездов подряд, начиная с того, на который он был избран, будучи двадцатипятилетним.

Дважды Ердьнский перехватывал обещанные Камышову путевки в дома творчества. Любил «пустить шептуна», то есть сказать в отношении Камышова самую невинную фразу кому-нибудь при встрече или по телефону, добавив, что эта фраза не его, он слышал ее от того-то, зная, что фраза скоро обретет иной смысл, достигнет из пятых уст Камышова и ударит в самую душу. Камышов же, оказываясь рядом с Ердьнским, едва заметно улыбался, а чаще всего проходил мимо, не замечая, о чем-то сосредоточенно думая.

К пятидесятилетию своему Ердьнский ждал ордена. А иначе и быть не могло. Такая дата: пятьдесят лет жизни и двадцать пять лет литературной работы. Даже больше. В двадцать пять уже книга вышла, а ведь он еще и писал ее. Орден не дали.

Стал ждать шестидесятилетия. В пятьдесят не дали, в шестьдесят просто обязаны были дать. Шестидесять лет прожито, тридцать пять из них отданы литературе. Даже больше...

Ожидание было особо напряженным. Ердьнский часто представлял, как откроет он накануне шестидесятилетия «Литературную газету», а в ней указ о награждении его орденом за заслуги в развитии отечественной литературы. Или глубокая, на полразворота статья о творчестве его. Итоговая как бы. А то и указ, и статья вместе. Или позвонят из Москвы и скажут, что такая-то книга его выдвигается на соискание Государственной премии, а такую-то и такую-то книги намерены перевести на греческий, итальянский и французский языки. И на японский.

«Это совершенно ничего не значит, — внушал себе Ердьнский, — что издательство наше областное, замкнутое, книги не выходят за пределы области. У других не выходят за пределы области, а мои знают в Москве, всем приезжавшим из Москвы я дарил книги свои...»

Но напрасно он, прежде чем прочесть, перелистывал до последней страницы очередной номер газеты. Указа не было, не было и статьи. Никто не звонил. Где вы, литературные московские дамы, коим Ердьнский некогда целовал ручки, преподносил цветы, делал подарки? Постарели, видимо, еще раньше его и вышли из игры. Где вы, столичные литераторы, секретари и члены правления, кому в соснах на берегу ручья Ердьнский топил баню, готовил пахучие веники, а после бани в избе наполнял рюмки

коньяком? Неужели никто из них ни разу не вспомнил его, Ердьнского?

И тогда Ердьнский понял, что ничего уже не будет, если даже он доживет до следующего юбилея. Ничего не будет. Окончательно это понял он сегодня, сидя за праздничным столом в помещении писательской организации, когда ушел последний из двенадцати, а они с Факеевым остались одни и надолго замолчали, не зная, о чем говорить. Лучше бы они совсем не приходили, те двенадцать. Лучше бы пришел один Камышов и сказал: «Ердьнский, поздравляю тебя! Не отчаивайся!» И Ердьнскому было бы легче.

Была полночь, жена и дочь спали, а Ердьнский сидел в своем кабинете на диване. Держа в руках книги Камышова, листая их, вчитываясь в отдельные страницы, он старался понять, чем же отличается проза Камышова от его, Ердьнского, прозы. И не мог понять. Как не мог понять сказанную Камышовым фразу о том, что писать нужно просто и хорошо. Что это значит — «просто и хорошо»? Какой смысл вкладывал Камышов в эти слова? А смысл, чувствуется, был.

Вот они стоят на полке — книги Аксакова, Чехова, Бунина. Подле — книги Ердьнского. Все эти авторы где-то там, в заоблачной выси, не достать. Ты их не знаешь, не видел, представление о них имеешь по книгам, портретам, биографиям. Но вот Камышов... он живет рядом с тобой, ты знаком с ним, встречаешься, разговариваешь. На одном языке вы с ним разговариваете, на одном языке пишете, одни и те же употребляете слова, но у него получается, а у тебя нет. Почему?

Что, скажем, особого в этой вот фразе: «В полях шел дождь. Мокрый, сидел я под таловым кустом и слушал, как шуршат по листьям дождевые капли». Ничего особого нет. Он, Ердьнский, свободно может написать подобную фразу. Издал всего две книжки, а статей о нем... Правда, он печатается в центральных журналах, у Ердьнского же публикаций журнальных за все тридцать пять лет не было.

Ердьнский отложил книги, закурил и взглянул на часы. Была самая глухая пора ночи. Он снова вспомнил себя двадцатипятилетним. Первое издание, поздравления, прием в союз, свадебное путешествие на пароходе с молодой женой. Счастливые были времена...

До следующего юбилея Ердьнский не дождался. Он сразу как-то внезапно начал стареть, меняться внешне: похудел, сторбился, голова осела в плечи, левое плечо выдвинулось вперед. Щеки впали, прорезались морщинами, на лице появилось унылое выражение. Вместо шляпы Ердьнский стал носить плоскую серую кепку, сдвигая ее набок и на лоб. Сгорбившись, выставив левое плечо, сунув руки в карманы пальто или плаща, он двигался по улицам, тоскливо поглядывая на прохожих из-под козырька кепки. В организацию ходить почти перестал. Роман его так и лежал на столе недописанным. Однажды Ердьнский встретил Камышова, и они долго разговаривали.

На четвертом пенсионном своем году Ердьнский умер. В местной газете появилось коротенькое сообщение о его смерти, о достоинствах и добродетелях, которых он никогда не имел, и о том, что память о покойном навсегда сохранится в сердцах тех, кто хорошо знал его.

г. Томск.

КРОКОДИЛКИ

Рисунок В. ДУБОВА.

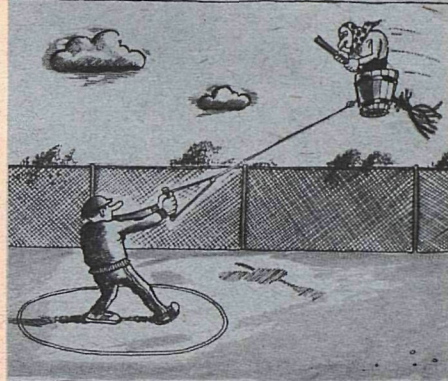

Рисунок В. ЛУГОВКИНА.

— Простите, вы не металлист?
— Нет, просто так, с цепи сорвался!
Рисунок Р. ДРУКМАН.

Рисунок С. ВЕТКИНА.

Рисунок В. ДУБОВА.

Рисунок В. ВЛАДОВА.

„БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!“

Юрий РЫТХЭУ

Край суровый, край большой,
Ветры, снег колючий.
И олени — хорошо,
И яранги — хорошо,
А романы — лучше!

Владимир ВОЛИН.

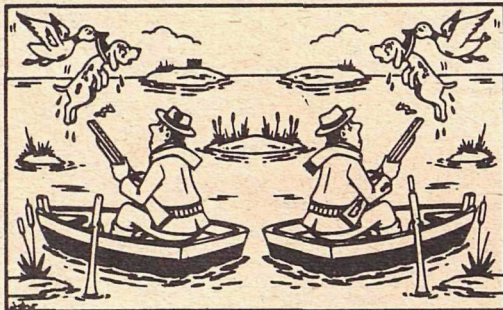
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

Удобно расположившись на лавочке, Синицкий-младший оживленно обсуждал со своим юным соседом Геной «СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ».

— Видите ли, мой друг, — ворковал Синицкий, протягивая Гене картинку, — некоторые детали левой части рисунка на правой части поменяли свое положение. Разберись-ка!

Гена уткнулся в рисунок:

Но не успели друзья обсудить и двух деталей, как были отвлечены шумной сценой. Две очаровательные дамы плюхнулись рядом с ними на скамейку и, всплескивая руками, защебетали на весь сквер.

— Кажется, мы стали свидетелями «ЛЮБОпытНОЙ ВСТРЕЧИ!» — хмыкнул Синицкий-младший.

— Боже мой! — воскликнула одна из собеседниц. — Сколько же мы не виделись!

— А ведь когда-то, — подхватила другая, — все у нас было так похоже! Обе мы учились на математическом, правда, на разных курсах, обе вышли замуж в двадцать четыре года...

— А через год после моей свадьбы у меня появился малыш, помнишь, Светлана?

— Да-да, кстати, и у меня ровно через год после моей свадьбы. Кстати, сколько у тебя сейчас детей, Надюха?

— Трое.

— И у меня! — не удержалась от восклицания

Светлана. — А сколько твоим лет?

Надежда тряхнула кудряшками:

— Ну-ка, вспомни молодость! Ты ж на всех олимпиадах призы брала. Так что тебе достаточно сказать, что в сумме всем троим 13 лет, а произведение чисел их лет равно числу, которое получится, если перемножить все цифры номера вот этого автомобиля!

— Боже мой! Этом же условиям удовлетворяют и числа возрастов моих девочек. Но я должна тебе сказать, что сообщенных данных недостаточно, чтобы определить возраст твоих, — тут возможны два варианта...

— Мою старшую дочь зовут Верой, — добавила Надежда.

— Ага! — обрадовалась Светлана. — Все ясно. Кстати, у меня тоже есть Верушка, но так я назвала свою младшую. Ой! Кстати, ее пора кормить! Забежим ко мне, я тут рядом...

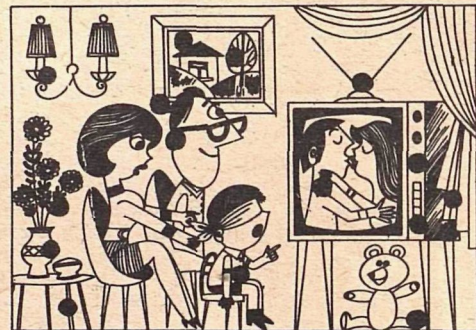
И обе собеседницы помчались по лужам в сторону ближайшего дома.

— Эх, — вздохнул Гена, — как жаль, что мы не заметили номер машины.

— Ну-ну, мой юный друг, — улыбнулся Синицкий, — стоит ли огорчаться по пустякам? Я, например, и без этого вычислил возраст Надежных детей. А кроме того, догадался, кто из подруг старше и на сколько. Условия запомнил? Тогда считай это домашним заданием!

Гена озадаченно почесал затылок и задумался.

— А мы пока проверим ответы, — потер руки Синицкий. — Что у нас было в прошлый раз? Ага, «ПОДОЗРЕНИЕ МАИОРА ПРОНИНА», разумеется, пало на Фогса, показания которого явно были ложными: краска на заборе была суха уже в 10.30, а значит, Мертольд не мог ею испачкаться, если он вернулся домой после 11 часов. Очевидно, он вышел раньше, а Фогс, захватив с собой орудие преступления, пошел за ним. А вот и детали, которыми отличаются ситуации «У ЭКРАНА».

НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В связи с отсутствием мойщиц посуды и с учетом передового опыта других предприятий наша столовая с 8 мая переходит на новую форму обслуживания.

Отпуск обедов будет производить-ся в посуду, принесенную с собой:

- тарелка для I блюда,
- тарелка для II блюда,
- ложка, вилка, нож.

Администрация».

(Объявление).

Прислал С. Ефремов, г. Москва.

Прислал Л. Лапуцкий, г. Минск.

Красноперекопский РПТ
МАГАЗИН № 3

Вороборис Вес: 04
Наименование: Вес:

Цена с упаковкой: 2 руб. 75 коп.

Фасовщик № 17 Дата: 1-6-84

Прислал М. Осипов, г. Ярославль.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Ученый, о котором вспоминают, когда встречают сопротивление. 5. Произведение, исполняемое на засыпку. 6. Головтятп (судебн.-исполнит.). 8. Часть колесницы, которая имеет порядковое место. 10. Птица, которая знает, откуда дети берутся. 12. Доказательство своего небытия (юр.). 14. Специалист, который при помощи «бабок» может делать чудеса. 15. Слово — заменитель поднятого вверх большого пальца. 17. Денежное помещение. 20. Задумчивый рассказ. 21. Предмет, за который хватаются, чтобы напиться или не захлебнуться. 24. Судейский стоп-кран (спорт). 26. Тот, кого послали ко всем чертям. 29. Жених на самообслуживании (восточн.). 30. Источник ненависти того, кому рано вставать. 31. Место, где никогда нет места.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рассол, который пьяному по колено. 3. Колкость, которую все воспринимают с удовольствием. 4. Серый, лопоухий, с хвостом, но далеко не осел. 7. Персонаж, который любил разговоры «по душам». 8. Деньги, на которых сидят. 9. ¼ доски. 11. Дядя (тетя) самых честных правил (юр.). 13. Место, куда стараются вспать побольше. 15. Амурных дел мастер. 16. Зачинщик (служебн.). 18. Жадное насекомое в полоску. 19. Доходное место (спорт). 20. Общеизвестный неизвестный мистер. 22. Группа постояльцев (магазинн.). 23. Атрибут игры в подкидного (спорт). 25. Лавочник (геолог.). 27. Звук, издаваемый пунктом 22-м, когда кто-то лезет вперед. 28. Уголовный элемент (парикмахерск.).

Составили Мих. МЕШМАН, Арк. ПЕККЕР, г. Винница.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 26

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Контора. 6. Колодец. 9. Шарп-галка. 12. Мошна. 13. Дамка. 14. Лиана. 17. Книга. 18. Восторг. 20. Сморчок. 21. Шасси. 25. Шарик. 26. Атолл. 27. Водка. 30. Лесослав. 31. Совесть. 32. Штурман.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Колокол. 2. Тропа. 3. Бочка. 4. Персона. 7. Аркан. 8. Банкнот. 10. Анонимщик. 11. Микроскоп. 15. Агора. 16. Штраф. 19. Портной. 22. Марафон. 23. Шляпа. 24. Акробат. 28. Лента. 29. «Фанта».

«Биллед-бладет» — «Иллюстрированная газета» — самый популярный и крупный еженедельник Дании. Скоро исполняется 50 лет со дня его основания. Политические, социально-бытовые и беллетристические материалы частенько чередуются на страницах журнала с юморесками, анекдотами, карикатурами. Сегодня мы публикуем некоторые из них, взятые из последних номеров журнала.

Разговаривают два сослуживца.

— Говорят, наш директор готовит крупное сокращение кадров...

— Нас это не касается. Он поссорился с женой и хочет теперь уволить всех ее родственников.

Два пожилых господина смотрят с берега на группу нудистов.

— Какое безобразие! Это нужно немедленно запретить! — восклицает один.

— А вы, должно быть, большой моралист? — спрашивает другой.

— Нет, я фабрикант купальных принадлежностей!..

— Нет, фрёкен Мадсен, я не могу повисить вам зарплату. Вы и так получаете столько же, сколько бухгалтер Ольсен, а ведь у него четверо детей!

— Но позвольте, господин директор, я всегда считала, что служащий получает зарплату за то, что он делает на работе, а не за свое хобби!

— Папа, тысяча марок — это много? — Смотря чего ты хочешь — заработать их или истратить.

— Если ты будешь плохо есть, я пожалуюсь в полицию! — в сердцах пригрозил отец маленькому Сержу.

Вечером малыш ускользнул из дома в полицейский участок и спросил у дежурного капрала:

— Мой отец жаловался вам на меня за то, что я плохо завтракал?

Капрал сначала растерялся, но потом, сообразив в чем дело, поскольку сам был отцом троих детей, утвердительно кивнул.

— Ах, так! Значит, он на меня нябедничал! Ну и я нябедничаю: у него в подвале самодонный аппарат!

Енсен припарковал свой автомобиль возле резиденции премьер-министра и собрался уйти по своим делам.

— Будьте любезны, уберите отсюда свою машину, — вежливо сказал ему подошедший полицейский. — Скоро должен выйти наш премьер-министр.

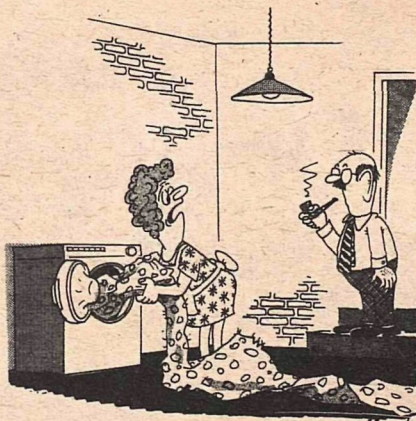
— Не беспокойтесь, — ответил Енсен, — моя машина оборудована противугонным устройством и звуковой сигнализацией...

В камеру привели нового заключенного.

— За что вас посадили? — спрашивают его обитатели камеры.

— Я украл бумажник...

— Так ты карманник? И у этого прохвоста еще хватило наглости появиться здесь, среди высоких государственных чиновников, барменов, продавцов и банщиков?!

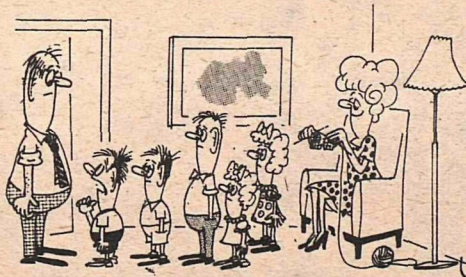
— Моющиеся обои, безусловно, практичны, но их так трудно отдирает от стен.

— Ты не мог бы вскрыть вот эту штуку, прежде чем уйдешь на работу, папочка?

— Да не беспокойся, парень. Я ведь тоже в рабочей одежде.

— Ты не мог бы серьезно поговорить с мамой: она опять вяжет детские колготки.

— если кому-нибудь кажется, что вы утомлены,

— если у вас неприятности,

— если вам весело,

— перед уходом из дома,

— если вы только что вернулись домой,

— если вы собираетесь сделать что-либо серьезное,

— если вы не собираетесь этого делать,

— если вы еще не пили чай,

— если вы только что его выпили.

Но ни в коем случае не следуйте моему личному примеру, если не хотите, чтоб вас приняли за безумца.

В пять часов утра я преспокойно сплю, за завтраком я пью кофе и на протяжении всего дня я также пью кофе, причем в самом экстравагантном и нелепым виде. Так, однажды (приведу это просто как пример того, до какой степени может опуститься человек), мне захотелось выпить чашечку кофе и съесть кусочек сыра.

День стоял исключительно жаркий, и моя жена (в прошлом — добпорядочная англичанка, ныне окончательно и безнадежно сбита с пути истинного моим пагубным влиянием) приготовила кофе и поставила его в холодильник, где он замерз и превратился в твердый брикет. Тем временем сыр, позабытый ею на кухонном столе, совершенно растаял. В результате, мне пришлось отвезти кусочек кофе со стаканом сыра.

— если он горячий,

— если он холодный,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

Джордж МАЙКС
(Великобритания)

КУСОЧЕК КОФЕ СО СТАКАНОМ СЫРА

Причиной бедствия для чая стало то, что в своей первозданной чистоте он был чрезвычайно приятным напитком.

Это побудило группу виднейших английских ученых, объединив усилия, провести ряд сложнейших биологических экспериментов, дабы найти способ превратить его в отраву.

К чести британской науки, их усилия увенчались успехом. Они установили, что если пить его не как обычно, с лимоном, ромом или сахаром, а добавить несколько капель холодного молока, причем сахар не класть вообще, то заветный результат обеспечен.

И лишь только этот освежающий, ароматный восточный напиток был с триумфом обращен в мутное и безвкусное поило, он неожиданно стал считаться признанным национальным питьем Великобритании и Ирландии, продолжая при этом сохранять за собой, вернее, узурпировать высокий титул «чай».

Существуют ситуации, когда кате-

горически нельзя отказываться от предлагаемой чашечки чая, иначе вас примут за чудаковатое и неблаговоспитанное существо, не имеющее ни малейшей перспективы занять место в цивилизованном обществе.

Так, если вам случится гостить в английском доме, в пять часов утра вас ожидает чашечка чая. Она будет предложена либо радушно улыбающейся хозяйкой, либо почти злорадствующе безмолвной служанкой. Поэтому, когда ваш сладкий предрассветный сон окажется потревожен, не восклицайте:

«Мадам! Вы жестокое, скверное, бесчеловечное создание и заслуживаете расстрела на месте!»

Напротив, с самой лучезарной, на какую только способны в пять часов утра, улыбкой вам следует произнести:

«Благодарю вас. Я просто обожаю пить чай по утрам, особенно в такую рань».

Если после этого вас оставят с жидкостью наедине, можете выплеснуть ее в умывальник.

Затем вам предстоит чай за завтраком, чай в полдень, чай после ленча, чай во время файфоклока, чай после ужина и, наконец, чай в двенадцать часов ночи.

Не рекомендуется отвергать также какие-либо внеочередные предложения испить чаю в случаях:

— если он горячий,

— если он холодный,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

— если вы утомлены,

КРОКОДИЛ

№ 27 (2577)
сентябрь 1987

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
Ю. Б. БОРИН,
А. Е. ВИХРЕВ,
А. Б. ГОЛУБ,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. МОЧАЛОВ
(художественный редактор),
В. В. ПЕСКОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ,
(зам. главного редактора),
А. А. СУКОЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, С. Веткин, В. Владов, Р. Друкман, В. Дубов, В. Луговкин, В. Мохов, В. Полухин, В. Сафонов, В. Тильман, Л. Филиппова, Ю. Черепанов.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

НАШ АДРЕС:
101455, ГСП,
Москва, А-137,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 20.08.87.
Подписано к печати 27.08.87.
А 05131.

Формат бумаги 70×108½.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2.80.
Уч.-изд. л. 4.54.
Усл. кр.-отт. 11.20.
Тираж 5 400 000 экз.
(1-й завод: 1—2 799 260).
Изд. № 2366. Зак. № 1196.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1987.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС
«Правда»
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Перевел Максим ГРЕСЬКО.

Л В Ы

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать» газеты **70448**
АБОНЕМЕНТ на журнал **Крокодил** (индекс издания)

		Количество комплектов:									
на 1988 год		по месяцам									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
годовыми											

Куда (почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому (фамилия, инициалы) _____

Доставочная карточка

Место ли-на журнал **70448**
тер-на журнал **Крокодил** (индекс издания)

		руб.		коп.		Количество комплектов:					
Стоимость подписки		руб.		коп.							
пере-адресовки											
на 1988 год						по месяцам:					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
годовыми											

Куда (почтовый индекс) _____ (адрес) _____

Кому (фамилия, инициалы) _____

ПОДПИСАЛИСЬ?